

Меньшевики после Октябрьской революции

Сборник статей
и воспоминаний

Б. Николаевского,
С. Волина,
Г. Аронсона

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

К ИСТОРИИ ПРАВОГО ТЕЧЕНИЯ СРЕДИ МЕНЬШЕВИКОВ

1. Введение

1. Задача настоящей работы — проследить процесс формирования и развития так называемого правого течения в меньшевистской социал-демократии со времени октябрьского переворота 1917 г. Это правое течение не было организационно единым. Напротив, в нем было много различных группировок, ведших раздельное существование. Эта организационная пестрота в иных случаях сложилась исторически еще до Первой мировой войны, окрепла во время войны и сохранилась в период Февральской революции.

Организационные рамки РСДРП (в меньшевистской ее части) всегда отличались чрезвычайной зыбкостью. Элемент принудительный в меньшевизме (так называемая партийная дисциплина и пр.) даже в полосу легальности и полуполюгальности почти не имел реальной силы. Понятие иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерны для меньшевизма.

2. Когда вскоре после октября 1917 г. на декабрьском съезде РСДРП определилось новое большинство, и составленный на съезде Центральный комитет сделал попытку потребовать от оппозиции подчинения, ему фактически это не удалось. Небольшая группа правых, впоследствии принявшая наименование „внутрипартийной оппозиции”, в известной степени признала „законность” создавшегося на декабрьском съезде положения в партии и приняла на себя бремя лояль-

ности, не переставая отстаивать „право на партию” других группировок правых меньшевиков, которые никогда не признавали официальных партийных инстанций, поскольку не разделяли проводимого ими политического курса. Напротив, они неоднократно и открыто выступали против них и оспаривали их право говорить от лица РСДРП. Достаточно назвать группы правых меньшевиков, которых представлял Г. В. Плеханов со своей организацией „Единство”, А. Н. Потресова, возглавлявшего актив рабочих меньшевиков в Петрограде или Степана Ивановича [Португейса], в эмиграции выпускавшего социал-демократический журнал „Заря”.

3. Вместе с тем важно подчеркнуть характерную почти для всех течений на правом крыле меньшевизма черту: все они, расходясь в основном с так называемой официальной партией, а в оттенках и между собою, неизменно считая себя принадлежащими не только к меньшевистскому направлению в социал-демократии, но и к РСДРП, дорожили фирмой партии, цепляясь за нее, не согласные кому-либо ее уступить. Получалось явление весьма парадоксальное: все правые группировки в меньшевизме, расхивившиеся с ЦК РСДРП (а впоследствии с Заграничной делегацией и центральным органом партии „Социалистическим вестником”), — все оставались патриотами РСДРП, и этот партийный патриотизм в течение долгих лет самостоятельного организационного существования не уменьшался. Все группировки правых меньшевиков, независимо от своих взаимоотношений с официальными инстанциями РСДРП, принадлежат истории меньшевизма.

4. Правое течение в меньшевизме по своим воззрениям не совпадает с тем направлением в международном социализме, которое известно под названием реформистского. В применении к России после октября 1917 г. правых меньшевиков нельзя отождествлять с ревизионистами, бернштейнцами, жоресистами. Напротив, почти без исключения руководители правого меньшевизма считали себя ортодоксальными марксистами, обвиняя и большевиков, и левое крыло в меньшевизма — в отступлении и искажении марксизма. Так, Плеханов или Потресов до конца дней считали представляемое ими течение строго марксистским, а правые меньшевики в профессиональном рабочем движении — предсе-

датель ВЦСПС М. Г. Гриневич в 1917 г., руководители союза печатников и др. — неизменно оставались на позициях классовой борьбы и под углом зрения борьбы за сохранение чистоты классового пролетарского движения давали отпор и большевикам, и левым меньшевикам.

Правый меньшевизм в целом надлежит рассматривать, как новое и своеобразное явление, вызванное к жизни в результате октябрьского переворота 1917 г. Его специфичность, т. е. правизна этого течения является условной постольку, поскольку за коммунизм и за лево-социалистическим движением закреплено наименование условной левизны. В действительности, вопрос выходит за пределы этих условных и лишенных всякого содержания обозначений. Течение правого меньшевизма явилось выражением наиболее последовательной непримиримости, наибольшего отталкивания в идеологии и в практической политике как от террористической диктатуры и квазисоциалистического экспериментаторства большевистской власти, так и от левого меньшевизма, пошедшего на ряд концессий перед восторжествовавшим большевизмом.

5. На всех течениях в меньшевизме после октября несомненно лежал отблеск эпохи мировой войны и расхождений, окрасивших собою международный и русский социализм, — тем более, что в течение первых месяцев после прихода к власти большевиков война еще продолжалась. Как левый меньшевизм периода 1917-20 гг. носил на себе печать циммервальдизма и интернационализма, в лоне которых он был зачат, — так и правый меньшевизм следует считать в большой мере преемственно связанным с оборонческим направлением со всеми теми коррективами, какое внес в оборончество (и в интернационализм) опыт февральской революции. Этим последним объясняется эволюция фракции так называемых революционных оборонцев, возглавляемых Ф. И. Даном и другими, которая привела к далеко идущему сближению с меньшевиками-интернационалистами (Ю. О. Мартова) после октября. Аналогичное явление, может быть, в меньшей мере, наблюдалось и среди меньшевиков-интернационалистов, когда П. Б. Аксельрод, деятель Циммервальда, после октябрьского переворота радикально разошелся со всем строем мысли меньшевиков-интернационалистов и

стал одним из руководителей правого меньшевизма, — непримиримым не только к большевистской диктатуре, но и к левым в меньшевизме. Правое течение в меньшевизме возникло после октября и явилось в большой степени новой главой в истории меньшевизма. „Контрреволюция, пришедшая через левые ворота”, по выражению И. Г. Церетели, вызвала к жизни правый меньшевизм.

б. По свежим следам октября не только среди правых, но и среди левых меньшевиков господствовало безоговорочное отталкивание от социальной демагогии большевиков, от возвещенного ими плана построения казарменного, „аракчеевского” социализма, и расхождения между правыми и левыми меньшевиками носили преимущественно тактический характер. В то время, как левые меньшевики искали способов воздействия на вызванную к жизни большевиками матросско-солдатскую и рабочую стихию и в этих целях переходили от лозунгов борьбы и непримиримости к поискам политического компромисса с новой властью — правые меньшевики видели в политике Ленина насильственное удушение основ молодой русской демократии, завоеванных ею свободных учреждений и политических гарантий и стремились мобилизовать все силы демократии для защиты поставленных большевиками под угрозу гибели государственных интересов России. Это тактическое расхождение, т. е. расхождение по отношению к октябрьскому перевороту и созданной им власти, на первых порах получило свое выражение в расколе ЦК партии по вопросу о переговорах с большевиками об образовании однородной социалистической власти.

В начале ноября 1917 г. по инициативе руководителей так называемого Викжеля начались совещания, в которых была выдвинута идея соглашения с большевиками под лозунгом создания правительства „от большевиков до энесов”. Меньшинство ЦК решительно высказалось против решения ЦК принять участие в этих переговорах и в подробно мотивированном документе — обращении к партии — заявило о своем выходе из состава ЦК, тем самым заложив основы складывающегося внутри партии правого течения. Ввиду безрезультатности переговоров в Викжале и отказа ЦК партии большевиков пойти на какие-либо уступки, вышедшие из состава ЦК меньшевиков правые вернулись в него с тем,

чтобы дать бой против соглашательских тенденций на Чрезвычайном съезде партии, созванном на декабрь.

7. Отсрочка полосы расколов в меньшевизме была облегчена вследствие почти единодушной оценки со стороны правых и левых меньшевиков ближайших перспектив большевистской власти. Дело в том, что как накануне октября, так и в первый период после октября все антибольшевистские политические организации и группировки, в том числе и все меньшевики, были убеждены, что Ленин — калиф на час, что большевики продержатся у власти недели, максимум месяцы. Раз пребывание большевиков у власти является преходящим, кратковременным эпизодом, то вся проблематика организации власти совместно с большевиками реального значения не имеет. Согласно этой довольно распространенной концепции не столько большевики опасны, сколько опасны те, которые придут им на смену. Именно большевики своей попыткой захвата власти усиливают шансы контрреволюции в стране — контрреволюции, которая недавно (в корниловские дни) получила сильный удар от объединенных сил революционной демократии, но которую сейчас вызвали к жизни большевики. Эта навязчивая мысль о контрреволюции, которая минимализировала опасность большевизма сейчас и центр внимания переносила на то, что будет завтра, когда силы реакции утопят в крови и большевизм, и демократическую революцию, и русский социализм во всех его разветвлениях, эта идея о завтрашней контрреволюции была лейтмотивом речей Ф. И. Дана в Предпарламенте, И. Г. Церетели — на Земском соборе и, дезориентируя меньшевистскую среду, отодвинула внутреннюю борьбу в партии на декабрь 1917 г. К этому времени выяснились дальнейшие очертания и политических и идеологических разногласий в меньшевизме.

8. Центральным вопросом, расколовшим меньшевизм на правое и левое крыло, явился вопрос, издавна доминировавший в меньшевистской проблематике — вопрос о характере русской революции: буржуазная или социалистическая революция. В то время как левые меньшевики, особенно мартовского толка, объясняя приход большевиков к власти, видели в нем даже некую „историческую необходимость” (т. е. оправданность) — как результат ошибок, пассивности, бессилия и безвластия коалиции социалистических и буржуазных эле-

ментов во Временном правительстве февральской революции, неспособной справиться с задачей выхода из войны, вести политику мира, осуществить назревшие социальные реформы, закрепить сочувствие рабочих, крестьян, солдат за демократической революцией и считали своей задачей после октября принять все меры к прекращению „гражданской войны внутри пролетариата” — и найти компромисс с большевиками — правые меньшевики объясняли октябрьский переворот прежде всего экономической, политической и культурной отсталостью России, недостаточным развитием капиталистических отношений, слабым развитием государственного и гражданского начала в революции, облегчившим большевикам демагогическое использование солдатских масс, в первую очередь, и считали, что большевики у власти, уничтожая основы молодой демократии в стране, только усилят дезорганизацию и хаос в хозяйственной жизни и увеличат роль деструктивных элементов в городе и деревне. Поэтому правые меньшевики решительно отказывались разделить идею соглашения с большевиками, принятую большинством Чрезвычайного декабрьского съезда партии 1917 г., отказывались войти в ЦК — чем было положено начало и формального существования правого течения и внутри меньшевизма.

9. После разгона Учредительного собрания большевиками, в течение 1918 г. внутрипартийные разногласия то выростали, то потухали. Но с началом гражданской войны, длившейся в течение полутора лет, и особенно после революций в ноябре 1918 г. в Центральной Европе, расхождения между правым и левым крылом приняли глубокий, частью непримиримый характер. Под влиянием указанных событий, а отчасти в связи с определившейся стабилизацией большевистской власти, левый меньшевизм в лице официальных партийных центров стал все больше определяться как направление, хотя и расходящееся с большевизмом в путях и методах, но имеющее с ним общие цели и поэтому склонное далеко идти в поддержке существенных моментов его практической политики. С конца 1918 г. партийное совещание при ЦК сняло лозунг Учредительного собрания. В гражданскую войну ЦК провел мобилизацию своих членов в Красную армию и этим самым стал на сторону большевистской власти.

В 1919 г. ЦК принял платформу, в которой признал основы национализации народного хозяйства. В марте-апреле 1920 г. в развернутом документе, принятом по предложению Ю. О. Мартова партийным совещанием, была дана оценка послевоенной эпохи как эпохи мировой социалистической революции, в орбиту которой входит и советская Россия. Был признан социалистический характер советской власти, объявлена поддержка социалистической перестройки общества, национализаций и социализаций. Официальная партия высказалась за систему Советов, за самоограничение демократии, за предоставление свобод в первую очередь рабочим и трудящимся. Тогда же партия осудила и частью поставила вне рядов партии те организации и группы, которые проводят несогласную с ЦК политику, выступила из Второго Интернационала, отозвав П. Б. Аксельрода, как своего представителя, высказалась против участия меньшевиков во фракциях „независимости” в профессиональном рабочем движении. Вся официальная позиция партии в 1918-20 гг. вырыла пропасть между левым и правым меньшевизмом как в области идеологии, так и в политической борьбе. И эта пропасть не могла быть засыпана тем, что левые меньшевики продолжали подвергать критике ряд сторон большевистской политики в городе и деревне, как и систему террора и диктатуры.

10. С окончанием гражданской войны, с ликвидацией военного коммунизма и введением НЭПа, вырванного Кронштадтским восстанием и крестьянскими волнениями у советской власти, расхождения между правым и левым крыльями меньшевизма ослабли. Уступки капитализму создали новую социальную обстановку в стране, высвобождая рабочие массы от якобы им присущих прокоммунистических иллюзий и в то же время лишая власть ореола социалистичности и рабочелюбия, которым диктатура до того маскировалась. Лево-социалистическая концепция со времени первых переговоров о соглашении с большевиками в рамках Викжеля сильно полиняла в период НЭПа, ибо сейчас уже нельзя было воспринимать борьбу с диктатурой как „гражданскую войну внутри пролетариата” и звать к поддержке террористической власти на том основании, что она есть воплощение власти рабочего класса. Внутрипартийное правое течение в меньшевизме, реалистически оценивая международную и внутрен-

ную обстановку, довольствовались принципиальным признанием прав народа на восстание и, учитывая реакционный характер всякого рода интервенционистских планов по отношению к советской России, пытались на основе принципов демократии искать компромисса при выработке платформы РСДРП. Это не удавалось, ибо в левом крыле были очень сильны воззрения, сложившиеся под влиянием эсхатологических ожиданий мировой социалистической революции, тяготение к идеям „трудовластия” и отталкивания от ориентации на какие-либо элементы буржуазной демократии, воспринимаемой как сплоченная реакционная масса, и ожидания демократизации режима от введения в действие советской конституции.

11. Правое крыло меньшевизма развивалось в другом направлении. Оно отвергало концепцию мировой революции, не видело никаких возможностей социалистической переделки для советской России, решительно отбрасывало тактические просоветские формулы, которые могли служить мостом к соглашению и считало, что внутреннее развитие большевистской революции политически вернее всего упирается в перспективу термидорианства или бонапартизма. Особое и принципиальное значение для круга идей правого течения имел вопрос об отношении к буржуазно-демократическим элементам. По этому вопросу высказался П. А. Гарви в статье, напечатанной в дискуссионном сборнике „Проблемы революции”, в которой он намечал „третий выход” для России между коммунизмом и бонапартизмом, а именно „собрание демократических сил города и деревни для борьбы под знаменем народовластия, как против террористической диктатуры большевиков, так и против возможной монархической реакции”. „Близоруко недооценивать новую советскую буржуазию, — писал он в 1926 г. — Недальновидно игнорировать старую дореволюционную буржуазию”. Нельзя „всю буржуазию, без разбора, заносить в лагерь монархической, буржуазно-помещичьей реакции... Либеральная или демократическая группировка может вырасти в крупную политическую силу, поскольку ей удастся политически возглавить широкие круги собственнического крестьянства.”

12. Победа сталинизма, пришедшего к власти с планом „интегрального социализма”, сопровождавшаяся разгулом

террора и истреблением всех инакомыслящих даже в рядах правящей партии, подорвала в левых меньшевистских кругах надежды на возможность сговора и соглашения с той или другой фракцией коммунизма — с левой или правой коопозицией, и в то же время вызвала в официальных партийных инстанциях — в Заграничной делегации и журнале „Социалистический вестник”, единственных духовных центрах меньшевистской мысли к тому времени, значительные организационные сдвиги, а именно раскол левого течения, так называемого мартовского крыла, и образование „центра”. Вместе с правыми меньшевиками „центр” отверг предложения левых, сводившиеся к тому, чтобы в коллективизации деревни, несмотря на чудовищно-насильственный ее характер, и в сверхиндустриализации, осуществляемой с жесточайшей эксплуатацией, видеть базис социализма и соответственно формулировать отношение к коммунистической власти в духе, близком к „апрельским тезисам” 1920 года. Расхождения по этим вопросам определили дальнейшую судьбу заграничного представительства меньшевиков. Что касается меньшевиков, оставшихся в России, в тюрьмах и концлагерях, то к началу Второй мировой войны сталинская диктатура, по-видимому, всех почти подвергла расстрелам. Идейная борьба в меньшевизме оказалась уделом только эмиграции.

2. Возникновение правого течения после октябрьского переворота 1917

Русский меньшевизм на всем протяжении февральско-мартовской революции не выходил из полосы идейных и организационных расколов. В основе их лежали разногласия, возникшие с начала войны и в большой степени отражавшие раскол во всем международном социалистическом лагере на оборонцев и интернационалистов. Так, с 1914 г. возникшая группировка „Единство”, связанная с именем Г. В. Плеханова, была на крайнем правом фланге оборончества. Более умеренное, но определенно-оборонческое течение меньшеви-

ков, группировавшихся вокруг А. Н. Потресова, П. П. Маслова, В. О. Левицкого и выпустившее сборник „Самозащита”, пользовалось большим влиянием в рабочих кругах, сплотившихся вокруг Военно-промышленных комитетов во главе с К. А. Гвоздевым, Б. О. Богдановым и др. Социал-демократическая фракция Государственной думы во главе с Н. С. Чхеидзе и связанная партийно с представителями ОК (ЦК) меньшевиков, в который входили в годы войны Б. С. Батурский, П. А. Гарви, Г. М. Эрлих, в начале войны выражавшая некоторую склонность к идеям циммервальдизма, вошла в революцию 1917 г. с настроениями, оформившимися затем (особенно по приезду из ссылки И. Г. Церетели, Ф. И. Дана, К. Ермолаева, М. И. Либера) в качестве направления „революционных оборонцев”. В меньшевизме в Петрограде были и до революции представлены циммервальдисты (литературным представителем их был О. Ерманский), чрезвычайно усилившиеся после революции, когда прибыли из эмиграции руководящие силы интернационализма — П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Р. А. Абрамович, И. С. Астров и др.

Но плацдарм разногласий в меньшевистской среде в краткую эпоху демократической революции все увеличивался: не замыкаясь рамками проблемы войны и мира, разногласия обнаружили тенденцию окрасить собой и охватить все актуальные политические вопросы. В центре внутрипартийной борьбы стоял вопрос о коалиции буржуазных и социалистических кругов во Временном правительстве, за которым скрывался вопрос о той или другой политике революционной России: в вопросах социальных и хозяйственных, особенно больно затрагивавших интересы народных масс в городе и деревне. Оборонческое крыло господствовало в партии и накладывало свою печать на деятельность Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и играло руководящую роль в меньшевистско-эсеровском блоке, который являлся гарантом коалиции во Временном правительстве. Интернационалисты, беспощадно критиковавшие деятельность коалиции в правительстве, выступали противниками социалистического блока в Советах и оборонческого влияния в партии. Наличие двух борющихся фракций, оборонческого большинства и интернационалистского меньшинства в РСДРП (объединенной), с трудом обеспечивало единство (да

и то чисто формальное) в партии и фактически парализовало ее. После съезда партии в августе 1917 г. в сознании многих членов партии потеряла свое первоначальное значение опасность, подкарауливавшая демократическую революцию: опасность наступления большевиков, раздавленных даже в их собственном сознании неудачей июльских дней. Попытка после Московского государственного совещания выступления генерала Корнилова, воспринятая как заговор контрреволюции, была в короткий срок отброшена объединенными силами всей демократии. Избегнув обеих опасностей, партия, однако, не была в силах найти компромисс в раздиравшей ее внутренней борьбе. Напротив, эта борьба с новой силой разгорелась в тех новых формах демократической государственности, которые были созданы в сентябре-октябре по соглашению ВЦИК Советов и Временного правительства: на Демократическом совещании в Петрограде и вышедшем из него Временном совете Российской республики (Предпарламенте) борьба шла по всем основным вопросам — о войне и мире, коалиции и т. д. В связи с составлением списков кандидатов в Учредительное собрание по Петрограду произошел раскол, ибо, когда интернационалистское большинство петербургской организации отказалось включить оборонцев (сторонников А. Н. Потресова) в официальный список, оборонцы выступили со своим самостоятельным, конкурирующим списком. Раскол также произошел среди меньшевиков в Предпарламенте, и 11 октября в „Рабочей газете” было опубликовано постановление ЦК следующего содержания:

„Обсудив вопрос о выходе интернационалистов из фракции РСДРП (объединенной) Временного совета республики и образования ими самостоятельной фракции меньшевиков-интернационалистов, ЦК признал представляющей партию только фракцию РСДРП (объединенной). Вместе с тем ЦК признает представляющими партию в каждом избирательном округе только те списки, которые выставлены официальными органами местных организаций.”

13 октября в той же „Рабочей газете” появилась горестная статья Ф. И. Дана „Торжество кружковщины”, в которой он выступает против расколов слева (интернационалистов) и справа (оборонческого крыла, группировавшегося вокруг Потресова в газете „День”).

Хотя к этому времени было совершенно очевидно, что большевики готовятся к выступлению, но в сущности и в меньшевистских рядах, как и в русском обществе той эпохи вообще, существовала недооценка большевистской опасности, убеждение в том, что главный враг демократической революции — это не большевики, а контрреволюция справа и еще убеждение в том, что победа большевиков, если бы она имела место, будет кратковременна и скоро будет заменена победой генеральской контрреволюции. Наиболее ярко все указанные тенденции получили выражение в выступлениях одного из самых ярких представителей большинства партии того времени — Ф. И. Дана. Воззвание 17 октября, выпущенное от имени ВЦИК Советов, где тон давал Дан, отражает характерные для тех дней меньшевистские настроения:

„Темные силы усиленно работают над тем, чтобы вызвать... беспорядки и погромы, чтобы получить возможность потопить в крови все революционное движение. Под предлогом восстановления нарушенного порядка... они надеются водворить ту самую корниловщину, которую революционному народу удалось раздавить недавно... Торжествующая контрреволюция уничтожит Советы и войсковые комитеты, сорвет Учредительное собрание... Будет преступным легкомыслием всякая попытка организовать в эти дни выступление или демонстрацию хотя бы с самыми революционными целями.”

В заседании Предпарламента 24 октября, непосредственно перед восстанием, обещая поддержку Временному правительству, Ф. Дан вплетал в это обещание мотив о контрреволюции, когда говорил: „Мы хотим бороться с большевиками, но мы не хотим очутиться в руках контрреволюции, которая себя покажет в подавлении большевистского восстания.”¹

То же ощущение грозящей контрреволюции справа передал Ф. Дан в своем выступлении в ночь с 24 на 25 октября в экстренном заседании ВЦИК Советов:

„Вооруженные столкновения на улицах Петрограда означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но все социалистические партии... Никогда контрреволюция не была еще так сильна, как в данный момент. Большинство рабочих и солдат индифферентно к

политическим вопросам. На фабриках, заводах и казармах гораздо более значительным успехом пользуется черносотенная печать, чем социалистическая... Массы, обманутые большевиками, низвергнут эту власть столь же быстро, сколь быстро она будет захвачена... Если Петроградский совет осуществит захват власти, то это поведет к срыву Учредительного собрания... к гибели всех Советов... Большинство рабочих относится равнодушно к судьбам революции, настроение этих масс может изнасиловать всякий контрреволюционер.”

И, заканчивая свою речь призывом к большевикам, оратор повторяет свою основную мысль: „В последний раз призываю вас — не делайте ничего, что может послужить торжеству контрреволюции.”

Резолюция, принятая ВЦИКом в духе предложений Дана, привела к немедленному образованию Комитетов общественной безопасности при участии местного самоуправления, органов революционной демократии (т. е. Советов) и социалистических партий².

Следует отметить, что этот лейтмотив о грозящей контрреволюции, о новом выступлении Корнилова, поддерживаемого „контрреволюционным” Временным правительством, усердно и более эффективно эксплуатируется во всех обращениях Военно-революционного комитета большевиков, уверяющего, что именно поэтому, для избежания контрреволюции, и необходимо поддерживать выступление большевиков.

Покидая Второй съезд Советов, фракция РСДРП (объед.) не только сняла с себя „всякую ответственность за действия большевиков”, но и заявила, что новая власть, опирающаяся „на все слои демократии”, должна быть построена на основе переговоров с Временным правительством. И от имени меньшевиков-интернационалистов тогда же, 25 октября, был выдвинут план создания демократического правительства, а не однородного социалистического, как это было через несколько дней.

По свежим следам октябрьского переворота, после ареста Временного правительства, после первых террористических актов большевиков, ЦК РСДРП дал в своей резолюции политическую оценку ситуации в духе приведенных выше выступлений Ф. И. Дана. „Считая захват власти большевиками путем военного заговора насилием над волей демократии и

узурпацией прав народа, — читаем мы в этой резолюции, — ЦК РСДРП (объединенной) считает основной задачей момента сплочение всех пролетарских демократических сил для предотвращения разгрома революции и полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции.” И далее, в согласии с решениями ВЦИК Советов, резолюция повторяет: „Органами такого сплочения должны быть Комитеты общественного спасения для защиты республики из представителей городских Дум, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и всех остальных демократических организаций, политических, профессиональных и армейских. Центральными политическими лозунгами должны быть: созыв Учредительного собрания в назначенный срок, приступ к переговорам о заключении мира.”³

С более ярким с оборонческой точки зрения воззванием выступил Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев:

„Преступление совершилось: большевики соблазнили, опутали темную часть солдат и рабочих. В страшную минуту для родины подняли они междоусобицу, подняли руку на правительство, поставленное народом, дерзко, как царские городовые, ворвались они в Совет республики, нанесли оскорбление старым борцам с царской властью — товарищам социалистам. Перед лицом врага Вильгельма и подстерегающей нас черной сотни они рвут в клочья нашу родину и свободу. Спасайте революцию, спасайте республику! Знайте: голод задавит Петроград, германская армия затопчет нашу свободу, черносотенные погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся вокруг Временного правительства и не отстоим его. Не верьте обещаниям большевиков — все это обман, хитрость, сказки. Идите и разъясните темному народу: ужас, гибель, смерть несет нам их безумное восстание. Спасайте республику, пока не поздно.”⁴

ВЦИК Советов в воззвании 25 октября признал необязательным решения Второго съезда Советов, покинутого всеми оппозиционными партиями (кроме левых эсеров и объединенных интернационалистов) и вручившего власть большевикам „в момент, когда на улицах Петрограда пролилась братская кровь и началась гражданская война”⁵. Воззвание Всероссийского Комитета спасения родины и революции, в состав кото-

рого вошли вместе с представителями городской Думы, Временного совета республики, ВЦИКа Советов, эсеров, народных социалистов и др. еще и представители ЦК РСДРП (объединенной) и плехановской группировки „Единство”, вменяет в задачу Комитета спасения воссоздание Временного правительства и обеспечение созыва Учредительного собрания. Такова была непосредственно под впечатлением захвата большевиками власти реакция большинства меньшевиков.

Позиция интернационалистского крыла РСДРП лучше всего характеризуется обращением, сделанным накануне октябрьского переворота и направленным против большевистского выступления:

„Мы считаем своим долгом обратиться с убеждением не поддаваться искусной провокации, умело пользующейся отчаянием народных масс, и отказываться следовать чьим бы то ни было призывам к вооруженным выступлениям в данный момент... Подобное выступление ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития и ухудшения положения народа, привести не может. Знайте, что малейшее нарушение правильности... передвижения должно оставить районы без хлеба... что всякое потрясение в Балтийском флоте... сделает возможной высадку германских войск вблизи столицы... что вооруженное столкновение... разнуздает черносотенные и монархические шайки и создаст подходящие условия для торжества той контрреволюции, той корниловщины, с которой мы хотим раз навсегда покончить. Добиться демократической народной власти необходимо, и рабочий класс добьется. Но нельзя пытаться насильственным путем свергнуть правительство в такой момент, когда столь велика опасность, что революционное выступление будет захлестнуто волной погрома и анархии. Ибо такая попытка может только породить междоусобную войну внутри самой демократии. ...Наш долг сказать рабочим и солдатам, что они держат в руках судьбу революции. Никто не имеет права легкомысленно, в азартной политической борьбе ставить судьбу революции на карту. Мы призываем... немедленно принимать постановления об отказе от участия в каких-либо вооруженных выступлениях.”

Обращение это заканчивается призывом отдать все силы „делу успокоения стихийного возбуждения масс”. Подписано

оно было от имени фракций меньшевиков-интернационалистов и ВЦИКа Советов в Совете Республики, Петроградского комитета РСДРП и редакции „Искры” Ю. Мартовым, Н. Сухановым, А. Мартыновым, С.Семковским, В. Мандельбергом, И. Астровым и О. Ерманским⁶.

28 октября ЦК РСДРП (объединенной), обсуждая вопрос о деятельности Комитета спасения, имел возможность наметить в следующем виде его задачи:

„1. Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры никакое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно недопустимо.

2. Всероссийский Комитет спасения родины и революции должен немедленно вступить в переговоры с Временным правительством, Советом республики и рабочими организациями о такой реконструкции Временного правительства, которая сделала бы его способным к осуществлению следующих задач: а) быстрой ликвидации большевистской авантюры методами, обеспечивающими интересы демократии; б) энергичного подавления всяких контрреволюционных попыток и погромов; в) созыва в установленный срок Учредительного собрания; г) энергичной внешней политики в целях скорейшего начала совместных с союзниками мирных переговоров.

3. Всероссийский Комитет спасения родины и революции должен обратиться к Военно-революционному комитету с предложением немедленно сложить оружие, отказаться от захваченной власти и призвать идущие за ними воинские части к подчинению власти Временного правительства, взамен чего всем участникам восстания должна быть гарантирована личная неприкосновенность впредь до разрешения вопроса об организации суда над ними Учредительным собранием.

4. В интересах обеспечения успешности выполнения всех изложенных выше задач и полной самостоятельности и независимости демократии необходимо работать над теснейшим сплочением рабочего класса и широких слоев демократии вокруг Комитета спасения революции, который должен оставаться на страже впредь до созыва Учредительного собрания.”⁷

Такова была линия, намечаемая ЦК РСДРП примерно до 29-30 октября. К этому времени произошел ряд серьезных

событий, повлиявших на перемену тактики большинством, правда, незначительным, Центрального комитета. В Петрограде произошло выступление юнкеров, которое было жестоко подавлено большевистскими отрядами. Керенский, выехавший в окрестности Петрограда и апеллировавший к войскам, расположенным там, на предмет поддержки Временного правительства, хотя успеха не имел, но тем не менее на подступах к Петрограду начались военные столкновения. Но самое главное, что произвело впечатление на сторонников новой тактики в ЦК меньшевиков, это выяснившееся обстоятельство, что, собственно, еще уцелевшие верхушечные органы февральской революции, как Временное правительство, ВЦИК Советов [первого созыва] (не признающий решений Второго съезда Советов), Совет республики, Совет крестьянских депутатов, ЦК партии эсеров и т. д. никакой военной силой, готовой дать серьезный бой большевикам в столице, не располагают, что „соотношение сил” складывается не в пользу демократии и что власть большевиков понемногу стабилизируется.

Как раз в это время появилась на авансцене инициатива „Викжеля”, выдвинувшего предложение о переговорах социалистических партий с большевиками о создании однородной социалистической власти. Не только интернационалисты подхватили эту мысль, но и часть революционных оборонцев перешла на эту линию окопов. В ЦК образовался блок Мартова и Дана, и утром 31 октября большинством в двенадцать голосов против одиннадцати ЦК принял решение о переговорах с большевиками. Вот текст резолюции ЦК:

„Обсудив создавшееся положение и признав, что все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения, ЦК РСДРП (объед.) постановляет принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков.”⁸

Для обоснования этой тактики, которая впоследствии окрасила собою деятельность меньшевистской партии на протяжении долгих лет большевистской революции, приведем характеристику ситуации, данную Ф. Даном в его

дополнении к немецкому изданию книги Мартова „История РСДРП”. Вот что пишет Дан, в тот период оказавшийся наиболее ответственным представителем нового большинства в ЦК партии:

„Уже первые дни большевистского господства ознаменовались гражданской войной и террором. Под знаменем Керенского, министра президента арестованного большевиками Временного правительства, выступила часть солдат с фронта против Петрограда, в непосредственной близости которого начались бои. В самой столице происходил ряд убийств и расстрелов; начались и первые покушения на свободу собраний и печати. Социал-демократия видела себя вынужденной срочно решать вопрос, примет ли она во имя демократии, под знаменем, под которым борется Керенский, участие в гражданской войне. Центральный комитет решил вопрос в отрицательном смысле. После учета реальных сил он пришел к заключению, что, независимо от субъективных намерений наступающих на Петроград элементов, победа последних будет означать триумф худшей контрреволюции. Ибо пограничная линия гражданской войны проходила в рядах демократии и рабочего класса, и обострение гражданской войны должно неизбежно привести к такому ослаблению этих элементов, что ничто уже не могло удержать победное продвижение реакции. Исходя из такой оценки положения, социал-демократический ЦК заявил уже в первые дни большевистского господства и начавшейся гражданской войны, что задача социал-демократии в новой большевистской фазе революции заключается в первую очередь в том, чтобы отстранить взаимную истребительную войну внутри пролетариата; поэтому необходимо стремиться к установлению мира внутри демократии и рабочего класса на путях компромисса и образования объединенного правительства из представителей всех социалистических партий и под условием, чтобы большевики отказались от методов террора. Это решение ЦК определило всю дальнейшую политику социал-демократии под большевистской диктатурой.”⁹.

Достигнуто это было в ЦК только после острой внутренней борьбы и только после того, как часть революционных оборонцев (Дан и др.) объединилась с группировкой Мартова

и таким образом обеспечила в партии большинство вновь образованному левому курсу.

В связи со ссылкой Дана на угрозу „истребительной войны внутри пролетариата”, избежание которой стимулировало и объясняло новую тактику социал-демократии — мысль, которая не раз ложилась в оправдание тактики викжелизма, а затем и идеи соглашения с большевиками — уместно будет выяснить, в какой мере рабочие были активными сторонниками октябрьского переворота. Был ли „Октябрь” рабочей революцией? Поддержали ли его рабочие в Петрограде? Вот вопрос. Ф. Дан, коснувшись этого вопроса в цитированной работе, сам определенно писал:

„Незначительно было активное участие рабочей массы в большевистском перевороте. Только небольшие относительно группы рабочих, главным образом из рабочей молодежи, принимали деятельное участие в образовании Красной гвардии.”¹⁰

Московская социал-демократическая газета „Вперед”, говоря о московских боях, давала ту же картину:

„В эти безумные дни, когда от имени рабочего класса самозванно грохотали пушки, рабочий класс молчал. Лишь незначительная часть его, вступившая в Красную гвардию, на деле показала сочувствие большевистской затее.”¹¹

Любопытно, что, в цитированной работе касаясь гражданской войны, Ф. Дан должен был признать, что как раз к антибольшевистскому движению, вызванному эсерами на Волге и в Сибири, „примкнули не только крестьяне, но также значительные массы рабочих в Воткинске, Ижевске и в других индустриальных центрах Урала”, а летом 1918 г., когда вспыхнул мятеж в Ярославле, в нем также „приняла участие часть местных рабочих”¹².

Но вернемся к вопросу, в какой мере большевики в октябре опирались на „рабочую стихию” и можно ли определить, что в Петрограде шла „гражданская война внутри рабочего класса”. Весьма существенно иметь в виду, что в Петрограде 25 октября работа на заводах и фабриках шла полным ходом, что на Путиловском заводе вместо мифических 1500 красногвардейцев, которыми оперировали в своей пропаганде большевики, оказалось только... 80. Никак не

были за большевиков — напротив, требовали прекращения гражданской войны — все крупнейшие заводы Петрограда: Путиловский, Балтийский судостроительный, Патронный, Орудийный и др., когда на них были устроены 29-31 октября массовые митинги. Почему же надо было драматизировать положение в большей степени, чем оно было? Большевики при помощи двух тысяч матросов захватили власть. Руководители февральской революции оказались генералами без армии. Но большевики не только не были вынесены на поверхность рабочей стихией, но даже „солдатская стихия” их поддержала весьма пассивно: солдаты, проголосовав за большевистские резолюции, уходили в казармы¹³. Где же были основания для построения концепции о том, что октябрьский переворот принес с собой угрозу „гражданской войны внутри рабочего класса”?

Решение большинства ЦК РСДРП вступить в переговоры с большевиками вызвали взрыв возмущения прежде всего в значительной части ЦК: 11 членов тотчас заявили протест. Этот протест прошел при поддержке довольно широких кругов партии, в результате чего и получило свое начало новое течение в РСДРП, которое вышло из оборонческих источников, но в своем развитии обросло и другими элементами, вербуя себе сторонников среди наиболее непримиримых противников большевизма: достаточно назвать таких видных деятелей интернационализма, как П. Б. Аксельрод, И. С. Астров, Г. О. Биншток (в начале февральской революции оказавшийся вместе с Ю. Лариным на крайнем циммервальдском фланге).

Это непримиримое крыло социал-демократии, сложившееся после октябрьского переворота в качестве меньшевистской правой (внутрипартийной и внепартийной), на протяжении долгих лет большевистской революции самоопределилось идеологически и практически, как последовательный принципиальный противник большевизма. Первый шаг на пути оформления этого правого течения в меньшевизме имел место 1 ноября 1917 г., когда 11 членов ЦК из протеста против принятой ЦК большинством в один голос резолюции о переговорах с большевиками, выступили из состава ЦК.

Проследим более тщательно историю этого конфликта в ЦК. Как сообщает „Рабочая газета” от 2 ноября, 31 октября в 10 часов вечера 11 членов ЦК подали в ЦК следующее заявление:

„Мы, нижеподписавшиеся, члены ЦК РСДРП (объед.), находя гибельным для рабочего класса, для дела революции и для нашей партии принятое Центральным комитетом сегодня утром решение о переговорах с большевиками относительно совместного с ними образования правительства, предлагаем Центральному комитету немедленно прекратить такие переговоры с большевиками о каком бы то ни было соглашении с ними об образовании совместно с ними власти и созвать на завтра в 12 часов дня общее заседание ЦК для пересмотра этого решения. В случае отклонения настоящего предложения мы все выходим из состава ЦК.”

1 ноября состоялось новое заседание ЦК, которое отказалось пересмотреть решение, принятое накануне. Поэтому протестанты подтвердили свое заявление о выходе из ЦК и решили обратиться к партии с объяснением своего поведения. На следующий день, 2 ноября, было составлено ими заявление, оглашенное в „Рабочей газете” 3 ноября. Вышли из состава ЦК следующие лица: М. Гольдман-Либер, Б. Цетлин (Батурский), Л. Гольдман (Аким), Ф. Юдин, К. Гвоздев, А. Смирнов, П. Гарви (П. Бронштейн), К. Ермолаев, С. Зарецкая, П. Колокольников, М. Скобелев, П. Голиков, Б. Богданов (трое последних обозначены, как кандидаты в члены ЦК. А среди членов ЦК перечислены 10, а не 11).

В своем обращении „Ко всем членам РСДРП (объед.)”, вышедшие члены ЦК приводят подробную мотивировку своего шага. По мнению представителей нового правого течения, большинство ЦК своим решением вступить в переговоры с преступными авантюристами-большевиками, не только обнаружило недопустимые „колебания и шатания”, но вошло в противоречие со всей политической линией, которую партия при всех „оттенках и разногласиях” проводила в течение 8 месяцев февральской революции. РСДРП-меньшевики „всегда боролись против тактики, ведущей к изоляции пролетариата и против той идеи, что наша революция может непосредственно перейти в революцию социалистическую...”

Когда большевикам, против воли большинства демократии, удалось путем чисто военного заговора... проделать свой опыт якобы пролетарской диктатуры" и запятнать себя преступлениями, большинство ЦК решило капитулировать перед ним и образовать „совместно с ними социалистическое правительство”.

Это решение, по мнению ушедших членов ЦК, губительно для рабочего класса, для революции и для социал-демократии. Создание социалистического правительства губительно для рабочего класса, потому что, изолируя рабочий класс от всей демократии, оно обрекает его на неизбежное поражение. Оно губительно для революции, потому что углубит гражданскую войну в стране, „находящейся накануне полного разгрома” со стороны немцев, и „отталкнет в ряды контрреволюции огромные пласты народа”.

„Окруженное атмосферой скрытой враждебности”, социалистическое правительство „или неизбежно погибнет или вынуждено будет поддерживать свою власть при помощи безграничного террора и подавления всех гражданских свобод”. Решение ЦК губительно для социал-демократической партии, потому что, „покрывая авантюру большевизма и все преступления его”, партия „берет на себя ответственность”, и „презрение и ненависть” населения будут перенесены на все социалистическое движение и на движение рабочего класса. „На долгие годы имя «социалист» станет ненавистным широким народным массам”.

Подписавшие это обращение к партии также уверены, что стремление большинства ЦК с помощью переговоров содействовать прекращению кровопролития не только „не приостановит кровопролития даже в Петрограде, но... дедает неизбежным кровопролитие и разгром рабочего движения в грандиозном масштабе во всей стране”. Не желая нести ответственность за пагубный шаг большинства и считая неправильным „взрывать все его решения изнутри: как это систематически практикует интернационалистическое крыло”, 11 членов ЦК выходят из ЦК и настаивают на созыве партийного съезда, который разрешит возникший конфликт в партии.

К декларации правого течения уже в течение ближайших дней стали присоединяться видные социал-демократи-

ческие деятели, заявляя о своей полной солидарности с ушедшими цекистами. 4 и 5 ноября в „Рабочей газете” появились такого рода заявления от членов ЦК П. Н. Колокольникова и В. Н. Крохмалю, от С. Л. Вайнштейна-Звездича, А. Дюбуа-Горского, Д. Кольцова, М. Панина, С. Зборовского. Из состава сотрудников „Рабочей газеты” вышел ряд видных меньшевиков: В. Левицкий, Е. Маевский, В. Мирон-Иков, П. Голиков, д-р М. Хейсин, Степан Иванович [Португейс]. В печати появилось сообщение о том, что „собрание меньшевиков-оборонцев в количестве 225 человек, ознакомившись с декларацией членов ЦК, покинувших его ряды вследствие капитуляции большинства его перед стихией большевизма, приветствует мужественный шаг товарищей и выражает твердую уверенность, что единение всех сил меньшевизма, верных его основным и испытанным началам, выведет рабочее движение России и социал-демократическую партию из того тяжелого положения, в которое они поставлены ошибками одних и преступлениями других”¹⁴.

С большой долей вероятности можно считать, что большая часть организации в Петрограде, во всяком случае ее авангард, стояла на позиции 11 ушедших членов ЦК. Это довольно ясно обнаружилось на собрании социал-демократического актива, созванного 3 ноября по свежим следам конфликта. Как видно из газетного отчета, на собрании присутствовали, кроме членов ЦК, меньшевистские фракции Совета республики, ВЦИКа Советов, Петроградского совета, т. е. в сущности весь штаб меньшевистской партии. К сожалению, в газетном отчете, тщательно зафиксировавшем ряд ответственных голосований, не указано, сколько человек участвовало на соединенном собрании. Тем не менее ясно, что значительное большинство этого собрания было на стороне ушедших членов ЦК. Собрание заслушало обе точки зрения: от большинства ЦК выступили Ф. И. Дан и Р. А. Абрамович, позицию ушедших цекистов представляли С. М. Зарецкая и С. Л. Вайнштейн-Звездич.

Ф. Дан, объясняя решение ЦК вести переговоры с большевиками, заявил, что „в первые дни заговора была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой. Но попытка оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы

встали на точку соглашения. Соглашение невозможно без раскола в большевизме". Вайнштейн развивал позицию правого течения: „Гражданская война — факт, тактика соглашения безжизненна. В Москве она не дала никаких результатов. Если демократия не подавит большевизм даже военной силой, это сделают за нее другие". Как и С. М. Зарецкая, Вайнштейн призывал к сплочению вокруг центра всей демократии, вокруг Комитета спасения родины и революции, созданного по инициативе ЦК. „Надо собрать все в демократии, готовое на борьбу против большевиков, изолировав политически большевиков”.

Для характеристики настроений на этом ответственном собрании следует привести итоги голосования. „Голосуется общий вопрос, разделяет ли собрание позицию ЦК по вопросу о соглашении с большевиками. Собрание дает на этот вопрос отрицательный ответ большинством всех против 14 или 12 воздержавшихся, из которых 6 членов ЦК. Затем т. Дан вносит резолюцию: «Собрание находит, что, несмотря на разногласия, 11 ушедших членов должны вернуться в ЦК». Резолюция эта отклоняется большинством всех против 18 при 12 воздержавшихся. Большинством всех против 15 при 9 воздержавшихся принимается следующая резолюция т. Богданова: «Собрание одобряет поведение 11 членов ЦК, вышедших в виду разногласий, и предлагает ЦК изменить свою позицию, после чего 11 членов должны вернуться в ЦК».”¹⁵

В это время большинство ЦК принимало деятельное участие в совещаниях Викжеля. Меньшевизм там был представлен весьма полно. Газетные отчеты отмечают, что от ЦК участвуют Дан и Эрлих, от меньшевиков-интернационалистов — Мартов, Мартынов, Абрамович, Семковский. Зарегистрировано также участие Вайнштейна от Комитета спасения, правда, выступающего против всякого соглашения с большевиками. Судя по временной печати, можно получить представление, что совещания при Викжеле в течение нескольких дней как бы стали единственным центром притяжения для всех социалистических группировок (для правых эсеров, для представителей городской Думы и т. д.), независимо от того, делают они ставку на соглашение с большевиками или нет. В эти дни, когда происходили совещания при Викжеле, новая власть довольно определенно показала не

только свой лисий хвост, но и волчий зуб. Не только кадетская „Речь” и право-оборонческий меньшевистский „День” были закрыты, но и „Рабочая газета” — официальный орган меньшевиков (вместо которой стал выходить „Новый луч”). По Петрограду шли аресты. Банды матросов нападали на квартиры. Г. В. Плеханов подвергся насилию в Царском Селе. Арестован был Б. С. Войтинский, затем член ЦК меньшевиков Филипп Юдин. Искали для ареста Н. Д. Авксентьева и А. Р. Гоца и т. д. и т. д. На заседаниях при Викжеле Дан и другие то и дело выдвигали требование о прекращении террора, ставили это требование „прелиминарным условием” для дальнейших переговоров. Представители меньшевиков добивались устранения Ленина и Троцкого из будущего социалистического правительства. Одно время казалось, что удалось внести серьезную трещину в ЦК большевиков, когда ряд членов ЦК и народных комиссаров подали в отставку. Но эта трещина была Лениным скоро замазана. Расколоть большевиков не удалось. Выяснилось также, что все труднее становится планировать создание социалистического правительства, ибо народные социалисты и Совет крестьянских депутатов, т. е. умеренные социалисты, как и правые меньшевики, решительно отвергают мысль о соглашении с большевиками¹⁶.

Становилось ясно, что глава „Викжель” закончилась, переговоры оборвались. На заседании от 7 ноября ЦК подвел итоги взятой на себя миссии и постановил пригласить вышедших членов ЦК вернуться. Вот текст резолюции:

„Констатируя, что в настоящее время переговоры с большевиками оборваны, ввиду отклонения последними требования о прекращении с их стороны террора, ЦК подтверждает, что готов будет вновь принять участие в переговорах для мирного разрешения конфликта путем создания общедемократической власти, если только требование об отмене террора будет фактически осуществлено. ЦК приглашает всех вышедших членов ЦК вернуться для совместной работы до съезда.”

Одновременно ЦК постановил „сохранить в Комитете спасения родины и революции представительство партии лишь с совещательным голосом”, дабы в этом комитете отстаивать точку зрения ЦК на организацию власти и инфор-

мироваться о мнениях и настроениях других партий и организаций, представленных в Комитете спасения¹⁷.

Вышедшие члены ЦК, обсудив положение, решили вернуться в ЦК. Вот текст коллективного письма:

„Ввиду того, что в настоящее время переговоры между ЦК нашей партии и большевиками прерваны, мы, нижеподписавшиеся, оставаясь на позиции, изложенной в нашем обращении к членам партии, считаем нужным вернуться в ЦК, чтобы внутри него отстаивать нашу точку зрения о создании власти, а также, чтобы противодействовать уклонению политической линии партии, намеченной на августовском съезде в сторону т[ак] и[з]ываемого интернационализма.”

Подписали это письмо С. М. Зарецкая, П. А. Гарви, Б. С. Батурский, Л. И. Гольдман, А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. М. Ермолаев, К. А. Гвоздев. К нему присоединились затем М. И. Скобелев и М. И. Либер. Уклонился, однако, по принципиальным мотивам вернуться в ЦК П. Н. Колокольников. „Я не считаю для себя возможным войти обратно в состав ЦК, который своим участием в переговорах с большевиками о совместной организации власти содействовал затяжке большевистской авантюры, губящей революцию и ведущей страну к позорному сепаратному миру, и который до сих пор считает возможным соглашение с большевиками по вопросу о власти”, — гласит его заявление.

Следующий поединок между сформировавшимися левой и правой фракциями разыгрался на партийном съезде, открывшемся 30 ноября. Прибыло до 100 делегатов, ожидалось еще около 40, главным образом с Кавказа. Соотношение сил определилось по основному вопросу — при обсуждении текущего момента. Съезд выслушал три доклада — М. И. Либера, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова и, после прений, принял резолюцию Мартова — за нее было подано 55 голосов против 31. Обращает на себя внимание наличие двух группировок правых меньшевиков. Одно более тесно связанное с партией, с членами ЦК, ранее ушедшими из ЦК и затем вернувшимися в него — от их имени главным оратором на съезде был М. И. Либер. Другая правая группировка, выразителем которой был на съезде А. Н. Потресов, отличалась от первой не только своей большей резервированностью от партийных

инстанций, но также более ярко подчеркнутой оборонческой позицией, насколько можно судить по содержанию речей и резолюций. Так, по текущему моменту в начальной стадии были внесены отдельные резолюции Либером и Потресовым, но к моменту окончательного голосования Либер выступал от имени обеих группировок правых — меж ними образовался единый фронт, противостоявший себя блоку Мартов-Дан и объединивший на съезде правое меньшинство.

В проекте резолюции, внесенной Либером от имени правых меньшевиков, дано исчерпывающее изложение политических взглядов представленного им течения. Большевистская партия развязывает гражданскую войну в стране, дезорганизует тыл и фронт, уничтожает свободы и демократию, ставит под угрозу созыв Учредительного собрания. Большевики „играют фактически на руку контрреволюции и прокладывают путь для полной реставрации”. Демагоги, эксплуатирующие „стихийное недовольство масс”, провозгласили приступ к социалистической революции, которая неосуществима в отсталой стране с малокультурным населением. Большевики не опираются на пролетариат, „в массе своей не игравший никакой активной роли в октябрьском перевороте, а на солдатские штыки”, что может только „скомпрометировать самую идею социализма”. Поэтому правое течение предлагает РСДРП призвать пролетариат „отказаться в признании и поддержке партии, захватившей власть... и мобилизовать силы рабочего класса вместе со всей демократией для... борьбы с захватчиками власти под лозунгом Учредительного собрания”. Заключительный аккорд резолюции Либера гласит:

„Лишь решительно отмежевавшись от большевистской авантюры, грозящей гибелью революции и кровавым подавлением рабочего класса, лишь высвобождая рабочие массы из-под влияния большевистского максимализма и сплачивая наиболее сознательные элементы его вокруг социал-демократического знамени, лишь втягивая его в самую активную борьбу для защиты демократических завоеваний революции и завоеванных собственных классовых позиций, социал-демократия сможет в наибольшей степени предотвратить грозную опасность разгрома пролетариата при неизбежной ликвидации большевистского восстания.”¹⁸

В тезисах, предложенных по докладу о мире и перемирии, выступавший А. Н. Потресов изложил свою точку зрения:

„Сепаратное перемирие, сейчас заключаемое большевиками с правительством Вильгельма, неизбежно приведет к миру, который отдаст Россию на поток и разграбление мирового и прежде всего германского империализма, прекратив ее политическую и экономическую самостоятельность и превратив ее в немецкую колонию, в объект жестокой эксплуатации и полицейского гнета... Русская социал-демократия, во имя спасения России от гибели, во имя избавления европейской демократии от тяжелой реакции, во имя спасения идеи революции от надругательства, обязана всеми силами способствовать низвержению большевизма и, объявив войну сепаратному миру, апеллировать к социалистическим партиям всех стран в целях скорейшего заключения мира. Не ограничиваясь этим, социал-демократия должна принять участие и, если понадобится, взять на себя инициативу по созданию из неподвергнувшейся еще разложению части армии и лучших элементов демократии боеспособного ядра, которое могло бы, буде это потребуется, с оружием в руках отстаивать честь и доблесть русской революции, не желающей никого поработать, но не допускающей превращения в рабов своих собственных сыновей.”¹⁹

Для того, чтобы дать более отчетливое представление о позициях правых на партийном съезде конца 1917 г. и о политических настроениях выступавших на нем представителей правого меньшевизма, мы, за отсутствием официального отчета о съезде, вынуждены ограничиться газетными, неизбежно отрывочными сообщениями. Марк Либер говорил на съезде:

„Большевистская контрреволюция более страшная, чем контрреволюция из Ростова-на-Дону. Нельзя считать, что там, где рабочие, это фронт революции. Таким образом мы сами можем стать проводниками контрреволюции. Никаких компромиссов не должно быть с контрреволюционным большевизмом. Нам нужно отколоть от большевизма рабочие массы, но прежде всего мы должны отколоть от большевизма самих себя. Мы должны признать за народом право на восстание против большевиков. Мы не должны быть гасителями

борьбы. Многие считают 25 октября — шагом вперед для русской революции. Россия, мол, выступает в роли мирового революционного авангарда. На деле мы не впереди, а позади Европы. Как наиболее отсталую страну война истощила Россию раньше всех остальных стран. Главной действующей силой революции у нас является не рабочие, а солдаты... в этом состоит несчастье нашей революции. Наша задача никак не сводится к „углублению” революции. Нам надо бороться за сохранение ее завоеваний — за свободу, за всеобщее избирательное право, за органы самоуправления, за Всероссийское Учредительное собрание.”

Касаясь политики левого крыла, Либер говорит, что эта политика знаменует разрыв со всем строем идей меньшевизма, со всей системой его воззрений по вопросу о прогрессивности буржуазии. Конечно, мы должны сохранить самостоятельность позиции. Но мы не должны бояться поддерживать те партии, которым с нами по пути. Как не поддержать нам кадетов в их борьбе за политические свободы? Мы должны создавать общенародные органы, которые и будут центрами нашей борьбы с большевиками. Не путем военных заговоров и авантюр следует идти, а широким политическим фронтом. И оратор предупреждал левых меньшевиков: „Соглашение со Смольным вынудит его и многих других социал-демократов покинуть ряды партии”.

А. Н. Потресов, подчеркивая в свою очередь солдатский характер октябрьского переворота, утверждал, что несчастье революции было в том, что не было у нас национальной спайки, не было уверенности в необходимости коалиции у власти — не было для этого условий ни у буржуазии, ни в рядах пролетариата. Правда, мы, меньшевики, говорили пролетариату о буржуазном характере революции, но наряду с этим твердили ему, что вот-вот начинается мировая социальная революция. Эти максималистские идеи и победили. Партия потеряла лицо. Мы расплачиваемся за преступные соглашения с большевиками. Партия стерта с политической арены.

С. М. Зарецкая, касаясь формулы однородного социалистического правительства „от энесов до большевиков”, восклицает: „Когда придется рассчитывать перед своим и другими классами, мы будем прокляты вместе с большевиками, как предатели демократии”.

В. О. Левицкий в своей речи настаивает на том, что большевики — контрреволюционеры. Соглашение с ними возможно только на компромиссе, но не следует забывать, что это будет компромисс с контрреволюцией.

По вопросу о мире и перемирии съезд заслушал доклады Р. А. Абрамовича и А. Н. Потресова. Принята была резолюция, предложенная Ф. И. Даном. В первом голосовании она получила за 51, против 47, 1 воздержался, но окончательное голосование, судя по газетным отчетам, дало другой результат: за 62, против 7, воздержались 10. Такое же голосование имело место по резолюции Ю. О. Мартова о единстве партии: за 58, против 5, воздержалось 20. В этой резолюции закреплены права меньшинства в партии в следующем виде:

„Всякому меньшинству должна быть предоставлена полная возможность отстаивать свои взгляды внутри партии и в с[оциал]-д[емократической] печати. Вне партии абсолютно недопустимы самостоятельные политические выступления против решений соответствующих правомочных партийных организаций.”

По-видимому, к этому времени правые меньшевики не только убедились в победе левого большинства на съезде, но в их рядах стали укрепляться сомнения, в какой мере возможна дальнейшая совместная работа. Эти сомнения приводили их к абсентизму во время голосований: они перестали в них участвовать.

Волна левизны в это время заметно подымалась на съезде: левые меньшевики начали ощущать себя хозяевами положения. П. Н. Колокольников, выступая против А. А. Мартынова по вопросу об участии в Советах, заявил, что считает абсолютно невозможным, чтобы меньшевики входили в советские организации. Колокольников считает очередной задачей партии группировку сил вокруг комитетов спасения для борьбы с большевиками. Когда слева выступил О. А. Ерманский, рекомендуя вернуться во ВЦИК Советов с тем, чтобы там вместе с левыми эсерами и объединенными социал-демократами интернационалистами создать противовес большевикам, Ю. О. Мартов резко отмежевался от него, заявив, что ВЦИК является „ширмой, прикрывающей самодержавие народных комиссаров”. Принятая съездом резолюция о вхождении в Советы одинаково дистанцирует и от Военно-револю-

ционных комитетов и от Комитетов спасения родины и революции и вызывает реплику Либера: „вы толкаете партию к гибели”.

Как известно, в состав нового Центрального комитета правые меньшевики отказались войти²⁰.

3. Под знаком гражданской войны

Нет сомнений, что даже в лево-социалистическом крыле меньшевизма, одержавшем победу на декабрьском съезде 1917 г., сосуществовали „две души”. Большевистская революция своим если не пролетарским, то плебейским, просто-народным характером, вызвала прилив революционных иллюзий, в которых идеализация действительности вскармливала надежды на „выпрямление линии”. И тот факт, что возглавляла и направляла линию этой революции социалистическая партия, пусть заговорщически-бланкистская, брутальная, охотно опиравшаяся на солдатско-матросскую вольницу — питала в левом крыле социалистические иллюзии о том, что, наперекор марксизму, во взбудораженном войной мире возможны какие-то зачатки, быть может, успешного строительства социализма — особенно если передовые страны демократического Запада будут искать выхода из войны на путях социализма, а не в лоне гниющего капитализма. Такова была одна душа левых меньшевиков, но ей противопоставлялась другая душа, которая не могла никак — ни идеологически, ни практически — мириться с вакханалией террора, с затаптыванием свобод, с разгоном молодых демократических учреждений, с разнуздыванием зоологических инстинктов в той стихии, на которую большевики делали ставку. Эта другая душа в лево-меньшевистском стане не могла в себе подавить не только чувств возмущения, но не могла скрыть сомнений насчет основного замысла большевиков — вогнуть слишком отсталую, крестьянскую страну в социалистический рай.

И тем не менее, очутившись у власти при бойкоте правого течения, не желавшего и не могшего разделить ответ-

ственность за лево-социалистический курс, Центральный комитет, избранный большинством декабрьского съезда, ощутил себя как бы монополистом партийного общественного мнения и, будучи вполне осведомленным о наличии в партийном активе значительных кадров не только несогласных, но решительных и непримиримых противников новой тактики — тактики, в непосредственном политическом аспекте рассчитанной на соглашение с восторжествовавшими авторами октябрьского переворота, на компромисс с ними — вступил в организационной области на тот путь, который когда-то в старые эмигрантские времена ассоциировался с режимом так называемого „осадного положения” для инакомыслящих.

Неслучайно поэтому А. Н. Потресов в одном из первых своих откликов на съезд²¹ возражал „фетишистам организации”, призывавшим ограничить свою борьбу „пределами партии”, оставаться „лояльными” по отношению к ЦК и его деятельности. Нет, это могут делать только люди, не видящие той подлинной „исторической драмы”, в которой мы участвуем. И это означало бы, что мы (т. е. правые меньшевики) обрекаем себя „на политическое ничтожество, на политическое самоубийство”. Нет, мы партии никому не собираемся уступать, и не позволим никому монополюльно говорить от ее имени! — таков был смысл статей Потресова после съезда, когда, по его мнению, левый меньшевизм получил возможность „направлять партийный корабль к берегам большевизма”.

Против „большевизации” и „циммервальдизации” партии правые меньшевики решительно боролись и на съезде, и после съезда, когда, по-видимому, были ими созданы, главным образом в Петрограде, группы „активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя России”. ЦК в специальной резолюции (23 марта 1918 г.) грозил меньшевистских „активистов” поставить „вне партии”. Впоследствии, с ранней осени 1918 г., эта организационная политика ЦК, острием направленная против правого течения, укрепилась и окрасила собой ряд дальнейших лет. Но поскольку мы касаемся конца 1917 — начала 1918 года, мы должны констатировать, что и в области борьбы внутри партии сказывалось охарактеризованное нами выше психологическое состояние победителей в партии: „две души” и тут

давали о себе знать, и объяснялось это не столько идеологической шаткостью нового курса в партии, сколько общей политической обстановкой первых месяцев господства большевизма.

Положение признанного лидера левосоциалистического курса Ю. О. Мартова было к тому же и в его собственном лагере довольно сложно. Так, в одном отчете о собрании петроградских меньшевиков-интернационалистов 30 ноября 1917 г. мы наталкиваемся на сообщение о том, что предложение Мартова о невхождении во ВЦИК, пока последним не будет отменен террор и не будут признаны верховные права Учредительного собрания, было собранием *отвергнуто*. Постановлено было признать бойкотистскую тактику ошибочной. Меньшевикам, согласно резолюции, следовало вернуться во ВЦИК и, если будет предложено, войти и в Совнарком, т. е. в правительство октябрьского переворота²².

Политическая обстановка первых месяцев большевизма лила воду на мельницу активных элементов правого течения в меньшевизме. Всюду, во всех существовавших еще формах сопротивления большевизму, правые меньшевики принимали энергичное участие. В конце декабря 1917 г. руководители союза печатников, возглавлявшегося правыми меньшевиками М. С. Кефали, А. Г. Бовшовским, А. Б. Романовым, И. С. Кибриком и др., поставили на Всероссийской конференции союза вопрос о создании Комитета борьбы за свободу печати. Это решение было принято всеми голосами против 12 (от большевиков выступал Бухарин) и был создан Комитет, куда вошли представители ЦК РСДРП, ЦК ПСР и Петроградской городской Думы. При той же Думе, явившейся политическим центром демократических групп, действовал Комитет спасения родины и революции, в котором участвовали правые меньшевики. В забастовке служащих министерств в Петрограде — в популярной акции саботажа того времени — также принимали участие правые меньшевики, как и в Комитете защиты Учредительного собрания.

В ночь с 5 на 6 января 1918 г. было разогнано большевиками Всероссийское Учредительное собрание. В этот же день была расстреляна демонстрация в его защиту и также разогнаны городские самоуправления, вышедшие из всеобщего избирательного права. Против учреждений демократической

революции большевики пошли походом. Шли насилия, облавы, обыски. Закрытие газет всех несогласных с большевиками направлений, покушения на свободу печати приняли повседневный характер. Начались расстрелы. Происходили убийства. Большевики приступили к проведению массовой акции террора. Наконец, весной был заключен похабный Брест-Литовский мир, сопровождавшийся оккупацией немецкими войсками Украины, Белоруссии. Казалось, худшие опасения, высказываемые правыми меньшевиками и пророчества Потресова о неминуемом закабалении России и революции немецким империализмом близки к осуществлению. Бессистемная демобилизация солдат усиливала всеобщий хаос. Хозяйственное разорение городов шло крещендо. Росла безработица. Нужда и голод стали невыносимы. Не только средние классы, остатки буржуазных слоев, интеллигенция, но и рабочие, за которыми большевики (на словах) ухаживали, были охвачены глубоким недовольством.

Особенно активную роль сыграли правые меньшевики, когда, стремясь политически оформить недовольство широких масс петроградского пролетариата, были созваны конференции и собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Инициатива движения принадлежала правым меньшевикам, среди которых мы назовем видных рабочих деятелей, как А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. А. Гвоздев, М. С. Кефали, П. Голиков, Борисенко, Г. Е. Брейдо и др., а также известных деятелей меньшевизма, как Б. О. Богданов, Б. С. Батурский, Г. О. Кучин, К. М. Ермолаев, А. Э. Дюбуа, Ю. П. Денике, С. М. Зарецкая и др. Уже в январе и феврале происходили собрания, на которых были представлены делегаты Путиловского, Обуховского заводов, Сименс и Шуккерта, с Петроградской стороны, с Охтинского завода. С марта по июнь происходили на ряде заводов массовые митинги. Движение уполномоченных от заводов, шедшее под лозунгом: хлеба, свободы и созыва Учредительного собрания, вскоре вышло за пределы Петрограда, перенеслись в Москву, Сормово, Тулу, Коломну, в промышленные и крупные провинциальные центры. В порядок дня был поставлен вопрос о созыве рабочего съезда и предъявлении требований правительству большевиков, которые должны быть поддержаны, в случае необходимости, всеобщей политической забастовкой. Недовольство

рабочих, получившее отчетливое выражение даже в выборах в Советы, которые к тому времени уже были достаточно скомпрометированы, но в которых вновь начали меньшевики и эсеры конкурировать с большевиками.

Для характеристики политических настроений рабочих, от имени которых с полным основанием могли говорить правые меньшевики, приведем резолюции, подготовлявшие общественное мнение к предстоящей рабочей забастовке, как способу воздействия на власть. 23 мая на собрании уполномоченных в Петрограде была принята следующая резолюция:

„Советская власть, как всякая власть меньшинства, опирается на штыки, и в каждой независимой демократической организации видит своего врага. Мы, представители петроградских рабочих, считаем свободу союзов неотъемлемым правом народа и одним из драгоценных завоеваний революции... Это свое право мы будем отстаивать всеми доступными нам средствами, вплоть до организации всеобщей политической забастовки.”²³

Другая резолюция от 29 июня ярко передает отношение рабочих к режиму власти:

„Нас душит голод. Нас мучит безработица. Наши дети валяются с ног от недоедания. Наша печать раздавлена. Наши организации уничтожены. Свобода стачек упразднена. А когда мы поднимаем голос протеста, нас расстреливают и выбрасывают за ворота, как тт. обуховцев. Россия вновь превращена в царский застенок. Наша страна отдана врагам на расстрел и разграбление. Так долгие жить невоготу... Мы, уполномоченные петроградских рабочих, зовем вас к однодневной политической забастовке протеста. Стачка 2 июля покажет, что... рабочие ведут борьбу за народовластие, за гражданские свободы, за единую независимую республику. Долой смертную казнь! Долой расстрелы и гражданскую войну! Долой локауты! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует свобода слова и союзов! Да здравствует свобода стачек!”²⁴

Мы остановились более подробно на движении уполномоченных, ибо именно правые меньшевики с самого начала сделали это движение своим делом. Программа движения на одном из первых собраний была предложена Г. Д. Кучиным. К движению были привлечены и эсеры, и В. М. Чернов на

одном из собраний выступал с докладом. Отношение ЦК партии, и в частности его руководителей Ю. О. Мартова и Ф. И. Дана, было если не отрицательным, то скептическим. Одно время официальные инстанции партии противопоставляли лозунг участия в пере выборах Советов идее беспартийных рабочих конференций. Старая аксельродовская идея рабочего съезда, некогда бывшая наиболее ярким меньшевистским кредо, сейчас не встречала уже единодушия. Напротив, мысль о растворении социалистической политики в беспартийной рабочей среде вызывала опасения в левом секторе. Однако эта позиция не устояла перед лицом нараставшего недовольства в рабочей среде и развивавшегося движения уполномоченных от фабрик и заводов. Ко времени майской конференции РСДРП в Москве холодок со стороны левых был разбит. 16 мая Московский комитет РСДРП признал желательным созыв широкой рабочей конференции, а когда созревшее движение вылилось в форму Всероссийской конференции, арестованной ВЧК 23 июля 1918 г., на ней в качестве представителя ЦК РСДРП участвовал один из руководителей левого крыла Р. А. Абрамович.

В феврале по следам декабрьского съезда шла острая полемика между правыми и левыми. „Новый луч” бросал по адресу единомышленников Потресова словечко „полукалединцы”. Потресов отвечал сдержанней, но по тогдашнему времени тоже остро, обзывая сторонников Мартова-Дана „полумарксистами”. „Теперь у нас нет взаимного понимания” даже о том, что „еще вчера представлялось азбукой нашему общему марксистскому сознанию”, — писал Потресов своим оппонентам слева. „Одно из двух — или вы принимаете с большевиками, что Россия совершает социалистическую революцию — пролог революции мировой, и тогда скажите это прямо, не стесняясь, и тогда вы будете правы и последовательны, отвергая всякую мысль о совместном действии с той буржуазией, которая этой революцией обрекается на уничтожение. Или вы этого принять — в меру своей социалистической совести — не можете, и тогда вы... прежде всего должны констатировать, что Россия страдает сейчас не от избытка капиталистического развития, а наоборот, от его недостаточного развития.” „Роковой чертой” революции, по мнению правых меньшевиков, было прежде всего это недоста-

точное развитие, которое сказывалось и в слабости буржуазии, и в крестьянском характере пролетариата, „в стихии его максималистского бунтарства, напоминающего не движение европейского рабочего класса, а нашу разиновщину или пугачевщину”. Общая заинтересованность и пролетариата, и буржуазии в поступательном капиталистическом развитии страны, особенно важным перед лицом германской опасности, предопределяет и делает неизбежным их политический союз²⁵.

Эти принципиально общие для всей идеологии правого меньшевизма воззрения, выраженные А. Н. Потресовым, послужили основой для вхождения отдельных представителей правых меньшевиков в Союз возрождения (в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Симферополе) — в политический антибольшевистский блок с эсерами, энесами, кадетами. Насколько известно, в Союз возрождения входили А. Н. Потресов, В. Н. Розанов, В. О. Левицкий, Ст. Иванович и некоторые другие. Для правого крыла меньшевиков не было ничего „криминального” в постановке вопроса об общенациональном фронте, писал Потресов в цитированной выше статье. Напротив, он и его единомышленники были убеждены, что единственным спасением, единственным способом мобилизации сил демократии для сопротивления большевизму является мысль „перекинуть мост между т[ак] н[азываемой] революционной демократией и той прогрессивной частью русского буржуазного общества, которая способна была бы сойтись с революционной демократией на платформе признания суверенитета Всероссийского Учредительного собрания”. И на этом пути их меньше всего занимал вопрос об оглядке на „княгиню Марью Алексеевну” из Центрального комитета партии.

Да и там, в недрах победившего левого течения, стал постепенно наблюдаться процесс некоторого поправения. В „Новой заре”, в органе Московского областного комитета РСДРП, зазвучали новые ноты в статьях Ю. О. Мартова. На заседаниях ВЦИК весной 1918 г., представители РСДРП Мартов, Дан, Абрамович выступали систематически с протестами, разоблачениями и острой критикой диктатуры в буквальном смысле слова отравляли существование Ленину и его народным комиссарам. После майского партийного сове-

шания, где произошло заметное сближение между правым и левым крылом, все меньше оставалось надежд на эволюцию большевиков и на смягчение режима, надежд, питавших новую тактику декабрьского меньшевистского съезда. В это время большевики решили разрушить последние иллюзии левых меньшевиков, и 14 июня 1918 г. последовало исключение из ВЦИКа Советов меньшевиков и эсеров. От советской „легальности“, на которую было затрачено немало усилий, почти ничего не оставалось. Вскоре, в июле, в Москве состоялось выступление левых эсеров, и произошел разрыв большевиков с единственными союзниками извне, которых они имели. Блестящая изоляция большевиков подчеркивалась всем ходом развития.

Некоторый интерес представляет собой вопрос о взаимоотношениях меньшевиков и эсеров в гражданскую войну. Б. И. Николаевский²⁶ приводит обильный материал по этому вопросу весной 1918 г. и за более поздний период, когда гражданская война уже была в разгаре. Ссылаясь на совместную организацию меньшевиками и эсерами собраний уполномоченных от фабрик и заводов весной и летом 1918 г., Б. И. Николаевский утверждает, что существенных разногласий между обеими партиями тогда не было. „Когда эсеры встали во главе восстания, вспыхнувшего на Волге, в нашей (т. е. меньшевистской) среде не могло быть и речи о «протягивании руки» большевикам для борьбы против этого восстания.” Даже в этот период Мартов считал, что „их программа в основе и наша программа”, но он опасался перевеса в антибольшевистском стане сил реакции — что в значительной мере и оправдалось. Интересно отметить, что контакты с эсерами были у меньшевиков и гораздо позже. В этом отношении следует зафиксировать сообщение Николаевского, что „в марте 1920 г. ЦК нашей партии принял решение устроить совместное заседание с ЦК эсеров..., которое состоялось на квартире автора этих строк. По конспиративным условиям от нашего ЦК была выделена делегация в составе, кажется, пяти лиц с Мартовым во главе; такой же делегацией были представлены и эсеры, во главе ее [эсеровской делегации] был В. М. Чернов”.

Но вернемся к характеристике майского совещания партии. На нем представлены были 52 организации. Значение

этой конференции заключалось в том, что „острые фракционные разногласия... значительно сгладились”. После Брестского мира и оккупации немецкими войсками значительных территорий страны, „задача национального возрождения”, задача собирания русской земли стала вновь достоянием всех социал-демократов. „Благодаря преступной политике большевистской власти появление иностранных вооруженных сил в пределах России становится фактом”, читаем мы в резолюции, призывающей рабочих оказывать давление на либеральные и революционно-демократические группировки с тем, чтобы побудить их отказаться опираться на иностранные штыки и дать им отпор при попытке их вмешательства во внутренние русские дела. На совещании преобладало настроение разочарования в социалистических возможностях большевистской революции, говорили об „утопической цели” октября. В дискуссиях о Советах правые настаивали на том, что Советы превратились в „бонапартистские клубы, вокруг которых группируется деклассированный сброд” и единодушно был выдвинут лозунг, по которому „вся власть в государстве должна принадлежать Учредительному собранию, на местах — демократическим органам городского и земского самоуправления”. Необходима, читаем мы в решениях совещания, „ликвидация насильнического и противонародного режима и замена советской власти властью, сплывающей силы всей демократии”. Совершенно естественно было, чтобы в этой новой внутривластной обстановке представители правого течения решили войти в ЦК — вошли М. И. Либер и Г. Д. Кучин, и на некоторое время в партии воцарился мир и лад.

Этот мир и лад был сорван при первых признаках начавшегося на Волге и в Сибири в связи с выступлением чехословаков движения сопротивления, созданного эсерами вокруг комитета членов Учредительного собрания. Среди деятелей разных направлений ощущалась тяга к активному участию в событиях. На Волгу, в Самару потянулся и ряд меньшевиков. Среди них были люди не только правого толка, но и представители „центра”, как например, Майский, прошедший в ЦК по списку фракции Дана, и в Самаре, с согласия местных меньшевиков, вошедший министром труда при Директории, избранной на Уфимском совещании. Государственное сове-

шание в Уфе открылось в сентябре 1918 г., но уже 18 ноября совершился в Омске переворот адмирала Колчака, были арестованы Авксентьев, Зензинов, Аргунов. А спустя месяц (22 декабря) был арестован и расстрелян офицерами среди девяти других лиц редактор социал-демократической газеты в Челябинске „Власть народа” Маевский-Гутовский, видный меньшевистский деятель. К этому времени очаги гражданской войны пылали во всех концах страны. В Крыму создано кадетское правительство, получившее одобрение земско-городского съезда в Симферополе (декабрь 1918 г.), в котором участвовало немало меньшевиков. В Архангельске еще в августе было создано Н. В. Чайковским „Верхнее управление северной области”. Процесс вытеснения не только социалистических, большей частью, эсеровских, но и демократических элементов из этих правительств подвигался с большой быстротой. Белое движение, как правило, не только отбросило знамена Учредительного собрания, но все явственней стало обнаруживать свою антикрестьянскую, реакционную, подчас реставрационную сущность. Генералы, рассчитывавшие на помощь иностранцев, привели к вырождению движения сопротивления большевистской диктатуре. Деморализованные военные отделы прославились погромами против демократической интеллигенции и евреев, экзекуциями в деревне. Один из идеологов Белого движения, В. Шульгин, впоследствии писал о нем: „Начатое «почти святым», оно попало в руки «почти бандитов».”

На территориях гражданской войны, занятых правительствами сопротивления, действовали социал-демократические организации и выходили меньшевистские газеты. Из хроники этого времени мы знаем, что в Крыму выходила газета „Прибой”, орган Севастопольского и Таврического комитетов РСДРП, в Казани — „Рабочее дело”, в Архангельске — „Северный луч” и „Рабочий севера”, в Самаре — „Вечерняя заря”, в Оренбурге — „Рабочее утро”, в Уфе — „Голос рабочего”, в Тюмени — „Рабочая жизнь”, в Одессе — „Южный рабочий”, в Киеве — „Искра”, в Харькове — „Начало”. Выходила „Заря”, как орган краевого Сибирского объединения организаций РСДРП. Ни учета этой печати, ни характеристики ее деятельности нельзя сделать на основании скудных, почти единственно большевистских источников,

имеющихся об этой печати. Даже за более ранний период, например, о конференции Сибирских организаций РСДРП, состоявшейся в Томске 31 августа — 6 сентября 1918 г. (присутствовали делегаты Средней и Западной Сибири), нет заслуживающих доверия данных.

Тем не менее надо предположить, что активными участниками рабочего движения на территориях гражданской войны были меньшевики правого крыла — те, кто шли вместе с эсерами, частью входили в Союз возрождения и, во всяком случае, были непримиримыми противниками соглашения с большевиками. И можно признать, что на опыте гражданской войны и всего пережитого у всех социалистов, и в частности у меньшевиков, выветрились последние иллюзии, которые они питали в отношении тех или других видов антибольшевистского движения, в которых они участвовали или которые им пришлось наблюдать. Характерно в этом отношении, что Девятый съезд партии социалистов-революционеров уже видел в происходивших событиях борьбу большевизма с реставрацией и выдвигал лозунг: ни Ленин, ни Колчак.

Это разочарование в Белом движении испытали эсеры уже в дни Омского переворота. Для них было ясно, что политически поддерживать можно только такое правительство, которое ставит себе задачей возродить в России демократию, т. е. созвать Учредительное собрание на основе четыреххвостки и восстановить демократическое самоуправление. Но такого правительства не было ни на Севере, ни на Юге, ни на Волге, ни в Сибири. Разочарование в антибольшевистском движении охватило меньшевиков, переживших гражданскую войну повсюду — в Киеве, в Одессе, на Волге, в Сибири.

С большой определенностью выяснилось, что в собиравшемся имени буржуазия или „цензовые элементы”, по терминологии февральской революции, демократический сектор оказался весьма слабым, что соотношение сил благоприятствовало перевесу реакционных элементов, неспособных противопоставить большевизму ни народные массы, ни даже вербующей эти массы пропаганды. На горьком опыте в этом очень скоро убедились и правые меньшевики. Позже к этому убеждению пришли те представители правых меньшевиков, которые жили на территории большевистской революции и сами в гражданской войне не участвовали. В этом

отношении поучителен и интересен рассказ А. Н. Потресова об опыте своего вхождения вместе с группой единомышленников в „Союз возрождения России”.

В письме к Ф. И. Дану от 25 июня 1927 г., находясь, следовательно, уже за границей, Потресов осветил этот эпизод и свое отношение к нему:

„Это было в Петербурге с конца 1918 и до конца весны или раннего лета 1919 г., когда преследование всей моей семьи и лично меня, принужденного скрываться, оборвали мою политическую деятельность задолго до моего ареста, случившегося 1 сентября того же года. В „Союз возрождения” в Петербурге входили тогда социалисты разных толков и кадеты. Допустимо ли было с принципиальной точки зрения такое участие в борьбе против уже консолидировавшейся деспотии? Конечно, да; конечно, оно было допустимо; конечно, оно было законно. Ошибка моя заключалась лишь в том, что движение, которое каждый из нас, входивших в „Союз возрождения”, представлял, сходило на нет, постепенно замирало, и в центре всего антибольшевистского движения постепенно становились элементы реакционно-монархические, а я этого не замечал, ибо в первые месяцы 1919 года в Петербурге, при тогдашней его изолированности, этой метаморфозы не было видно. Социальная борьба, идущая с Востока и Юга, по слухам того времени, слыла все еще борьбой крестьянства в союзе с мещанством и частью рабочего класса. Это была ошибка оценки, ошибка ориентации.”

Было бы неправильно здесь не отметить, что, сознавая ошибочность своей политической линии в 1918-19 гг. и откровенно говоря о ней, Потресов в своем письме к Дану переходит от обороны к нападению. Он отдает себе отчет, что Белое движение, частью которого являлся Союз возрождения, стало орудием в руках контрреволюции, но в то же время у него не было никаких оснований считать, что этому движению, этой контрреволюции справа противопоставлялась в лице большевизма контрреволюция слева, и поиски соглашения и компромисса с этой разновидностью контрреволюции не лучше, а даже хуже именно потому, что она консолидировалась и упрочилась и грозит надолго остаться у руля. Вот почему для правильного понимания позиции Потресова уместно продолжить цитирование его письма к Дану:

„Но такие ошибки, всегда возможные в период революционного хаоса, это, разумеется, ничто в сравнении с тем преступлением, которое совершили Вы, капитулируя перед определившейся советской деспотией. Это был Ваш смертный грех и в отношении к марксистскому социализму и в отношении к судьбам русского пролетариата и всей страны в ее целом. И добро бы этот грех Ваш локализовался моментом революционной неразберихи... Неужели Вы думаете, что Вашей диверсией в сторону моей старой тактической ошибки Вы отвлечете чье-либо внимание от этой роковой для социал-демократии капитуляции, которая на некоторое время поддержала Ваши организационные ячейки (в этом Ваше неоспоримое преимущество перед т[ак] н[азываемым] „правым“ течением), но зато — убило Ваш дух. Я то своих ошибок не скрывал и еще в 1920 г. говорил об ошибках своего участия в Союзе возрождения покойному Мартову в Москве. Ну, а вы? Найдете ли Вы когда-нибудь в себе мужество признать ложь своей... позиции?!”²⁷

Эти заключительные строки из письма Потресова возвращают нас к вопросу о взаимоотношениях между правым и левым крылом меньшевизма на территории советской России в начальный период гражданской войны. Это было время роста активистских настроений в кругах правых меньшевиков. ЦК партии решил заблаговременно парализовать эти настроения, и 2 августа 1918 г. принял резолюцию, запрещающую не только партийным организациям, но и отдельным членам партии „принимать участие в местных восстаниях для свержения советской власти”, — никакой „свободы действий” не предоставляется ни организациям, ни отдельным членам партии „в подготовке и проведении подобных авантюр”²⁸.

На основе этой резолюции был исключен из ЦК И. М. Майский, 31 июля выехавший в Самару и ставший министром труда при Директории. В „Утре Москвы”, органе печатников, от 9 сентября 1918 г. было напечатано об этом следующее „заявление”:

„Нас просят сообщить, что бывший член ЦК социал-демократической рабочей партии И. М. Майский, по сообщению официальных газет занявший ответственный пост в Самарском правительстве, отныне членом ЦК РСДРП не со-

стоит и принял ответственный пост без ведома и согласия ЦК партии.”

Правда, Майский получил свой мандат на вхождение в образованное на Волге правительство Комитета Учредительного собрания от Самарской меньшевистской организации, подтвержденный затем Волжско-Уральским областным партийным комитетом. Это обстоятельство дало основание довольно значительной группе правых меньшевиков заявить протест в ЦК против исключения Майского. Но к этому времени в ЦК уже стали вновь складываться левые настроения. Во всяком случае ЦК в письме, разосланном по организациям 16 октября и посвященном Государственному совещанию в Уфе, занял отрицательную позицию к участию представителей РСДРП на совещании. „Самое участие представителей нашей партии в собрании, созванном для организации правительства, черпающего фактически свою силу в иностранных штыках, могло быть признано целесообразным только при ограничении этого участия чисто информационными целями”, читаем мы в этом письме. При сложившейся обстановке „ЦК должен решительно протестовать против пользования именем нашей партии, как целого, для санкционирования совершенного в Уфе акта... Текст «акта об образовании Всероссийской верховной власти» не оставляет никакого сомнения в том, что на Уфимском совещании восторжествовал такой компромисс между демократическими и либерально-буржуазными элементами, за который партия ни в коем случае на себя ответственности взять не может.”

Приводим полноты ради заключительную часть письма ЦК, в котором изложен взгляд его на Учредительное собрание до и после Уфимского совещания:

„Учредительное собрание, избранное в ноябре, было выражением поступательного революционного развития, начавшегося в февральские дни. То обстоятельство, что ему противопоставила большевистская власть, созданная октябрьским переворотом, отодвинуло его естественно на более правые позиции, с которых оно пыталось остановить развал страны и задержать прыжок в область утопических экспериментов. Но и на этих правых позициях оно оставалось детищем народной революции и носителем его духа, ставя своей задачей революционно разрешить аграрный и национальный вопросы, про-

вести коренную демократизацию страны на республиканских основах, дать пролетариату все социальные реформы, совместимые с основами капиталистического строя, и добиться всеобщего демократического мира, исключаящего разгром одной из воюющих сторон. Такое Учредительное собрание социал-демократия поддерживала и обязана была поддержать даже против части трудящихся масс, увлеченных утопией немедленного коммунизма и мнимо классово-диктатурой. Такое Учредительное собрание социал-демократия готова поддерживать и впредь. Но правительство, которое под флагом Учредительного собрания выражает собою факт завоевания власти общественными группами, не стоящими на почве демократической революции или сошедшими с нее, — ширма, за которой партия, получившая победу на выборах, отказывается от власти ради компромисса с внешними Учредительному собранию контрреволюционными силами капитализма и милитаризма, — не может, разумеется, претендовать на поддержку социалистического пролетариата... Социал-демократия должна сохранить свою полную политическую самостоятельность по отношению к коалиции неустойчивых мелкобуржуазных демократических партий с партиями контрреволюции и, борясь с этой коалицией, стремится разрушить ее и увлечь демократические массы на путь строительства подлинной демократической республики...”

Не успели высохнуть чернила, возвещающие, что ЦК в принципе готов стоять на почве Учредительного собрания и демократической революции, как произошли события политического значения, вызвавшие сильный рецидив левизны в руководящих кругах партии. В ноябре 1918 г. на почве военного поражения вспыхнули революции в Германии и Австрии, в которых на первых порах пришли к власти социалистические партии. В свете этих событий ЦК РСДРП принял декларацию-тезисы, в которых он признал за этими революциями начало мировой социальной революции и одновременно подверг пересмотру свое отношение к большевистской революции. С этих тезисов, в сущности, в левом течении в меньшевизме укрепляется мысль о наличии социалистических возможностей и для отсталой России. Если на декабрьском съезде 1917 г. для победивших левых кругов поиски соглашения с большевизмом были продиктованы убеж-

дением, что октябрьский переворот представляет собой плебейскую революцию, то сейчас большевики стали излучать социалистическую благодать в неизмеримо большей степени, чем раньше.

Тезисы ЦК сейчас провозгласили октябрь „исторически необходимым”, выразившим освободительные стремления трудящихся. „Русская революция является гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир” и ведет напрямик „к социальной пролетарской революции”. Эти левые тезисы ЦК вызвали возмущение среди правого течения меньшевиков. Внутрипартийные меньшевики, пытавшиеся вести сосуществование с ЦК на основе лояльности и признания организационных норм, увидели, какие опасности подкарауливают социал-демократию, усваивающую язык большевизма. Внепартийные правые поспешили публично отмежеваться от ЦК и снять с себя ответственность.

Так, Петроградская группа социал-демократов издала в декабре 1918 г. под фирмой РСДРП листок, специально направленный против ЦК партии:

„Последняя резолюция ЦК, которая, несмотря на ряд отрицательных характеристик советской власти, фактически является признанием этой власти и, что еще хуже — неприкрытым предложением своих услуг тем, кто в течение года своего господства не принесли ничего России, кроме разрушения всех материальных и моральных ее сил, побуждает нас, группу членов РСДРП, уже и раньше заявлявших о своем отрицательном отношении к официальной политике ЦК за последние годы, поднять наш голос и на этот раз, чтобы протестовать против попытки навязать всей партии тактику, превращающую ее в безвольного исполнителя большевистских предначертаний и планов и сложить с себя всякую ответственность за эту губительную для интересов пролетариата позицию.”

Таков текст этого протеста, выраженного „единым духом” (одной фразой!) и отразившего все возмущение правых — в сущности не только тактикой новой, но и новой идеологией, до этого чуждой меньшевизму.

Но ни требования внутрипартийных правых, ни, тем менее, протесты внепартийных, все более отчуждавшихся от официальной партии, хотя неизменно фигурировавших под

общей фирмой — РСДРП — не могли приостановить того стремительного полевения, которое началось в конце 1918 г.

27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. состоялось в Москве партийное совещание, которое пошло дальше тезисов ЦК и на ближайшие годы закрепило за партией лево-социалистическое направление. „Всемирная война приведет к предсказанному социал-демократией крушению капиталистического общества” — провозглашается в резолюциях совещания. Приобретает актуальность вопрос о „переходе политической власти в руки рабочего класса, уже осуществляющемся в передовых капиталистических странах, потерпевших военный разгром”. „Успехи мировой социальной революции самым тесным образом зависят от укрепления и развития... революции российской.”

Таковы исходные положения нового кредо официального меньшевизма. В соответствии с ним звучали и принятые решения тактического порядка, и прежде всего снятие лозунга Учредительного собрания. Мы приводили выше письмо ЦК, в котором говорилось все же о готовности при известных условиях поддержать идею Учредительного собрания. Но за коротких два месяца произошел крутой поворот. Теперь партийное совещание решило вопрос пересмотреть, так как „в настоящее время лозунг Учредительного собрания мог бы быть использован как знамя и прикрытие прямой контрреволюции, и даже новые выборы, произведенные в теперешней обстановке, грозили бы сделать Учредительное собрание не органом революции, а органом контрреволюции”.

Одновременно партийное совещание, фактически отбрасывая требование демократии для России, стало на советскую платформу, признало „за исходный пункт своей борьбы советский строй”, правда, „не как принцип, а как факт действительности” — фактически с тех пор РСДРП как бы стала партией „советской”. Следующим шагом партийного совещания явилось решительное размежевание с правыми меньшевиками, особенно с так называемыми внепартийными. Вот текст постановления:

„Совещание заявляет, что образовавшиеся внутри группы «активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя России» вели прямую борьбу против курса партийной политики, отстаивая союз с контрреволю-

ционной либеральной буржуазией и с империалистскими правительствами Согласия, и что, стоя по общему правилу вне работы местных партийных организаций, члены этих групп внесли своей деятельностью элементы разложения в ряды с[оциал]-д[емократического] пролетариата и дискредитировали партию своими публичными выступлениями. Поэтому совещание одобряет резолюцию ЦК об «активистах» от 23 марта, предупредившую «активистов», что дальнейшая деятельность их групп поставит их вне партии.”

Ответом на левосоциалистический курс совещания, а, быть может, и на угрозу поставить вне партии правоменьшеvistские группы, явился шаг, предпринятый петроградскими правыми. Как сообщает Степан Иванович²⁹, „в начале 1919 г. группой товарищей с участием А. Н. Потресова была выработана платформа «группы демократов-социалистов», которую даже удалось отпечатать в единственном номере выпущенной в провинции (Воронеже — Г. А.) рабочей газеты”. ЦК в одном из своих документов („К процессу над В. Н. Розановым и др.”) относит образование „группы демократов-социалистов” к осени 1918 г., когда эта группа „призвала своих единомышленников” организовать для образования новой партии в противовес РСДРП” и когда ЦК „при полном одобрении большинства партии объявил вне партии как петербургскую, так и все вообще „активистские” группы, стоящие на одной с ней позиции и считал все организационные счета с ней раз навсегда поконченными”.

Насколько нам известно, образование „группы демократов-социалистов”, в своем названии подчеркивающей приоритет демократии в формулировке целей своей борьбы в советской России, имело эпизодическое значение. И Потресов, и его единомышленники, главным образом из представителей петербургской рабочей интеллигенции, связанной с Потресовым еще со времен ликвидаторства — все они не только не отрекались от РСДРП, но не переставали дорожить этой фирмой и связью с ней³⁰. Даже не входя в петроградскую, а потом московскую организацию (не желая „регистрироваться”, как этого требовал левый Московский комитет РСДРП), они никогда не уходили из партии. Даже сознавая, какие осложнения это вносит в деятельность официальных партийных учреждений, они продолжали считать себя в

партии, не признавали за ЦК хозяйских прав в партии и никогда не переставали бороться за партию. Большой интерес представляет собою другой документ „Проект основных положений платформы”, датированный декабрем 1918 — январем 1919, изданный группой социалистов-демократов, старых партийных работников, меньшевиков-оборонцев РСДРП.

В течение 1919 г. левый курс в ЦК и в его периферии продолжал усиливаться. На территориях гражданской войны местные социал-демократические организации и отдельные социал-демократические деятели вели, в согласии с местными рабочими организациями, свою самостоятельную политическую линию, оторванные от партийных центров, действовавших в Москве. Центральный комитет, оставался на почве советской реальности и боролся за призрачную легальность; призрачную потому, что большевистское правительство и ВЧК, не отличая правых меньшевиков от левых, в равной мере всех подвергало репрессиям и сажало в тюрьмы. Время от времени в интересах самой советской легальности ЦК распускал или реформировал неугодные ему партийные организации (Одесса, Ростов-на-Дону, Саратов и др.), посылал своих эмиссаров для наведения порядка и даже публиковал об этих мерах в советской печати. В 1919 г. ЦК принял платформу „Что делать”, обращенную ко всем рабочим и социалистам, эсерам и беспартийным, но также и к коммунистам. В платформе выдвинуты были требования отмены смертной казни, отмены ЧК и террора, но одновременно защищалась идея „власти трудящихся классов” на основе советской конституции, а блага свободы печати, собраний и союзов должны были быть, по платформе, распространены только на партии трудящихся.

1 октября 1919 г. было принято решение о мобилизации в общепартийном масштабе в Красную армию. А к весне 1920 г., когда на смену неудавшемуся походу Добровольческой армии началась польско-советская война, и ЦК проводил мобилизацию меньшевиков в Красную армию, весной, в марте-апреле 1920 г., состоялось в Москве новое партийное совещание, которое продолжило новый курс и приняло так называемые „апрельские тезисы” („Мировая социальная революция и задачи социал-демократии”), сформулированные

Ю. О. Мартовым, как программа мирового левого социализма.

Согласно этим тезисам мир вступил в полосу „социальной революции, заканчивающей эру капиталистического развития и начинающей эпоху социализма”. „Рычагом социальной революции является свержение политического господства буржуазии и восхождение к власти трудящихся во главе с пролетариатом”. „Новая рабочая демократия, возникающая из крушения политического общества, есть демократия участников общественного производительного труда. Поэтому демократической сущности диктатуры в принципе не противоречит лишение прав гражданства или ограничение этих прав для социальных групп, стоящих вне этой демократии, т. е. вне общественного производительного труда.”

Этой идеологической и тактической эволюцией не ограничились решения весенних совещаний 1920 г. Среди организационных решений весеннего совещания 1920 г. ударило по правому меньшевизму решение, обязывавшее меньшевиков образовывать в профессиональных союзах партийные фракции. Для тех немногих профсоюзов, как печатники, отчасти служащие, где меньшевики сохраняли влияние, это решение означало большой ущерб, ибо только под флагом независимости возможно было эффективно организовать беспартийных членов союза для отпора попыткам большевиков захватить профсоюзы. Но даже тогда, когда партийное совещание высказывалось за независимость союзов, интерпретация этой независимости ничего общего не имела с тем, что понималось до того о ней. Так, мы читаем в формулировках совещания:

„Независимость... профсоюзов не означает ни нейтральности союзов по отношению к капитализму и социализму, ни нейтральности их по отношению к социалистической (советской) власти в ее борьбе против контрреволюции и в ее попытках наладить хозяйственную жизнь на социалистических началах. Напротив, профсоюзы должны стать на сторону советской власти в ее борьбе против контрреволюции и капитала”.

И общая мотивировка резолюции о задачах профессиональных союзов варьировала те же идеи. В обстановке „начинающейся международной социальной революции все

задачи пролетариата должны быть подчинены... стремлению отстоять государственную власть в руках трудящихся классов под гегемонией пролетариата и содействовать всеми мерами... пропитыванию народного хозяйства в возможно большей мере социалистическими началами”.

Партийное совещание подтвердило также решение о создании нового, левосоциалистического Интернационала и об организации представительства партии за границей — вместо П. Б. Аксельрода, с которым, как это было уже тогда ясно, у левых меньшевиков имеются глубокие политические расхождения. И, конечно, было бы упущением всей левосоциалистической позиции, если бы не вспомнили о необходимости лишней раз отмежеваться от правого крыла партии, которое чем дальше, тем определеннее выступает в качестве непримиримого противника концепции о социалистическом характере русской революции и продолжает считать советскую диктатуру чудовищной формой деспотизма, прикрывающегося социалистической фразеологией. Партсовещание, продолжая традицию, упрочившуюся с конца 1918 г., выразило пожелание, чтобы „ЦК распустил организации, систематически противившиеся партийной линии”³¹.

В связи с левосоциалистическим курсом, принятым ЦК, в Москве не раз циркулировали слухи о якобы идущих, по инициативе большевиков, переговорах с меньшевиками о вхождении последних в состав советского правительства. Упоминания об этом кое-где рассеяны. Глухо сообщает Д. Ю. Далин о зондировании Лариным почвы в этом отношении в 1919 г.³²

В начале 1919 г. в связи с революциями, вспыхнувшими в Центральной Европе и под влиянием революций, приветствовавших начало мировой социалистической революции, наметилось какое-то сближение между меньшевиками и большевистской властью. В это время было разрешено издание меньшевистского органа в Москве „Всегда вперед”, а вскоре последовали переговоры о вступлении меньшевиков в состав советского правительства.

Об этом между прочим передает Р. Абрамович в своих воспоминаниях, опубликованных на еврейском языке³³. По его словам, пытался сосватать меньшевиков и большевиков Карл Радек, передавший предложение через Лапинского. В

случае, если бы меньшевики выступили с надлежащей политической декларацией, стало бы возможно возвращение их во ВЦИК Советов (откуда они были исключены в июне 1918 г.). Было бы возможно также включение некоторых подходящих для этого меньшевиков в состав правительства. „Это полуофициальное предложение было нами обсуждено, — сообщает Р. Абрамович, — и отклонено”. Отклонено по принципиальным соображениям. Р. Абрамович дополняет это сообщение еще одним глухим указанием: „В последующее время мы вновь получили аналогичное предложение, но мы его опять отклонили”.

Приводим информацию по этому вопросу, опубликованную П. Н. Милюковым в книге „Россия на переломе”³⁴, относящуюся к 1920 г.:

„По нашим сведениям из вполне достоверного источника, — пишет Милюков, — такие переговоры с меньшевиками действительно велись незадолго до НЭПа. Для переговоров с меньшевиками Сталин избрал Трояновского, своего многолетнего близкого друга и видного члена коммунистической партии, перешедшего к меньшевикам после октябрьского переворота и бывшего членом меньшевистского ЦК. Сталин предложил через него меньшевикам войти в правительство. Получив доказательства полномочий Сталина, Трояновский заявил ему, что меньшевики не войдут в правительство, пока не будет ликвидирован „социалистический эксперимент”. Сталин отвечал, что необходимость такой ликвидации не вызывает сомнений, что и сам Ленин совершенно убежден в этом, и весь вопрос — в методах и в темпе ликвидации, так как спуск невозможен без тормозов. Сталин спрашивал при этом Трояновского, что, по его мнению, должно было быть предпринято в первую очередь. Трояновский набросал проект декрета о продналоге (получивший впоследствии осуществление) и наметил другие меры, составившие частично содержание НЭПа. Ленин горячо стоял за соглашение, но наткнулся на оппозицию, с которой он не мог совладать. Со своей стороны, ЦК меньшевиков в лице сидевшего в тюрьме Дана предъявлял политические требования („демократия”). Переговоры оборвались.”

Возлагая ответственность за это сообщение на автора и его источник, мы считаем нужным подчеркнуть, что инициа-

тива переговоров принадлежала большевикам и что без твердых гарантий политических уступок никогда ЦК меньшевиков не принял бы участия в переговорах. Попутно нужно отметить, что информация Милюкова включает ряд неточностей, в частности, о Трояновском, который, насколько мы знаем, не был „близким другом” Сталина, ушел от большевиков еще в 1914 г. (отчасти в связи с делом Малиновского). Меньшевиком он покинул весной 1921 г., после чего началась его дипломатическая карьера у большевиков.

Кстати, в одном из писем из России, напечатанных много лет позже в „Социалистическом вестнике” (в октябре 1926 г.), упоминалось по этому вопросу кое-что любопытное:

„В частных беседах Сталин еще в 1921 г. считал дело социалистического строительства в России бесповоротно проигранным. Тогда он прямо заявил, что компартия не может взять на себя работу по восстановлению буржуазного строя в России и предлагал передать власть какой-нибудь другой группе. Тогда он с благословения Ленина делал даже конкретные шаги в этом направлении.”

Было бы неправильно однако представлять себе даже в период торжества левосоциалистических идей в ЦК, что там царило полное и нерушимое единство настроений. По-видимому, отношение к большевистскому экспериментаторству в социально-экономической области и в частности к опытам сплошной национализации и социализации в области индустрии вызывало большие сомнения у некоторых членов ЦК, хотя и поддерживавших политическую и тактическую линию Мартова-Дана. Иллюстрацией наличия такого „уклона” в ЦК может служить тот факт, что однажды на квартиру московского правого меньшевика Г. А. Кипена во время совещания правых, созванного для обсуждения экономической платформы, явились члены ЦК Д. Ю. Далин и А. А. Трояновский, и оба они весьма солидарно с правыми обсуждали экономическую политику большевиков. К тому времени, примерно зимой 1919-1920, в недрах ЦК появился проект тезисов по экономическим вопросам, намечавших программу довольно широкой денационализации промышленности. Автором этих тезисов был член ЦК, подписавший их псевдонимом Фрей. Автор этих строк участвовал в упомянутом

выше совещании правых меньшевиков у Г. А. Кипена и лично докладывал упомянутые тезисы о денационализации, полученные им в ЦК в Москве среди других текущих партийных материалов, в Харькове — на заседании Главного комитета РСДРП на Украине поздней осенью 1920 г.

В порядке отступления позволю себе зафиксировать по личным воспоминаниям некоторые данные о правых меньшевиках в Москве.

В 1918-1920 гг. одной из главных баз меньшевизма в советской России, в особенности в Москве, оставались считанные профессиональные рабочие союзы: печатники, химики, служащие. Меньшевистское влияние давало о себе знать и в других союзах — и в Московском совете профсоюзов, и в ВЦСПС, но там меньшевики были в ничтожном меньшинстве, ибо при помощи ЧК, террора, арестов и других разнообразных средств воздействия, остальные профсоюзы были захвачены большевиками, все формы демократии в союзах (например, делегатские собрания) были упразднены, а верхушки (ЦК, комитеты и правления) превратились в послушное орудие коммунистической партии.

В этой обстановке, помню, как мне удалось выступить с докладом на конференции уже обольшевиченного союза кожевников в Москве. Это считалось большим достижением, хотя сторонники независимости там были в ничтожном меньшинстве. К тому же и они себя держали очень осторожно. И если на Всероссийских съездах союзов еще оказывалось несколько десятков сторонников независимости профсоюзов, обычно руководимых меньшевиками, противопоставленных сплошной массе делегатов в несколько добрых сот человек — голосующему по указке большевиков стаду — то нужно удивляться не тому, что меньшевиков и независимцев было на этих съездах так мало, а тому, что их было так много; ибо нужно было обладать исключительной энергией, верой в правоту своего дела и личным мужеством, чтобы не только сохранить свое достоинство, но открыто и публично перед враждебным, улюлюкающим и культурно-примитивным миром выступать, заставляя себя слушать и порой прислушиваться к оппозиционным социалистическим речам.

История сопротивления союза печатников большевистскому террору еще до сих пор не рассказана. Между тем союз

печатников в течение двух с лишним лет сумел сохранить себя от проникновения большевистской бациллы внутри и от давления извне, и рассказов о том, какими средствами и способами ему удавалось отстоять свою независимость от государства и партии, вооруженных до зубов, представлял бы собой первостепенный интерес к характеристике рабочего движения 1918-1920 годов. Союз печатников самим фактом своего существования и борьбы сумел вызвать признание и уважение даже в некоторых кругах правящей партии, особенно в прослойке ее профсоюзных деятелей (назовем М. Томского или Н. [Д. Б.] Рязанова). Союзу удавалось в течение довольно долгого времени выпускать свою газету („Печатник”), хотя большевикам было известно, что возглавляют союз не просто независимцы и меньшевики, но именно правые меньшевики, не согласные с левосоциалистическим курсом официальных инстанций партии. Эта руководящая группа правых меньшевиков одерживала оглушительные победы на референдумах в московском отделении союза печатников, парализуя волю большевиков и готовность их расправиться обычными средствами террора. К маю 1920 г., после митинга печатников в Москве, устроенного в честь Британской рабочей делегации и превратившегося в грандиозную антикоммунистическую рабочую демонстрацию, правительство Ленина уже больше не могло терпеть происходящее, и союз печатников был подвергнут разгрому и был уничтожен: правление и актив его надолго были брошены в тюрьмы. С тех пор под видом союза печатников в СССР существует что угодно, но только не классовая, самостоятельная, свободная организация.

В связи с подготовкой упомянутого митинга печатников в Москве в честь Британской рабочей делегации правые меньшевики переживали большой подъем. Правление союза печатников создало инициативную группу, на совещание которой были приглашены А. Н. Потресов, М. И. Либер, члены Бюро правых меньшевиков, внутрипартийных и внепартийных. На этом совещании обсуждалась политическая декларация, с которой должен был выступить союз печатников. Намечались на этом собрании выступления оппозиционных политических деятелей, а также и речь представителя независимцев в союзе служащих.

Как известно, митинг печатников превзошел все ожидания. В зале собрания было 5-6 тысяч рабочих, среди которых 200-300 коммунистов чувствовали себя чужеродным телом и вскоре убралась подобру-поздорову. Председательствовал А. Ф. Девяткин, а пространный политический доклад делал М. С. Кефали — оба правые меньшевики. Сенсационным событием на этом митинге явилось выступление лидера эсеров и председателя Учредительного собрания, разыскиваемого чекистами В. М. Чернова, которое сломило порядок дня и усилило в нем элемент политической демонстрации. Приглашенный печатниками из побуждений партийной лояльности официальный представитель ЦК (им был Ф. И. Дан) в создавшейся обстановке и перед лицом дружно-враждебной большевикам рабочей аудитории произнес краткую речь в правоменьшевицком стиле без упоминания тех левосоциалистических положений, которые незадолго до того получили особенно яркое оформление на партийных совещаниях в марте и апреле 1920 г.

Среди этих решений мы уже упоминали решение, направленное против той деятельности, которую меньшевики под лозунгом независимости проводили в профессиональном движении и принятое под влиянием левых меньшевиков, представлявших Украину и Главный комитет РСДРП в Харькове. В согласии с этим на Третьем Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920 г.) и была образована меньшевицкая фракция, в которую, разумеется, сторонники независимости, не меньшевики, войти не могли. На таких политических форумах, как съезд профсоюзов, эта новая тактика официальной партии не могла породить существенные последствия, но, перенесенная в массовую организацию, попытка подчинить партии даже органы профсоюзного руководства были восприняты в частности правыми меньшевиками как удар по борьбе профсоюзов за свободу и независимость, как ослабление позиций профсоюзов в борьбе с большевицкой диктатурой. Единственным выходом из положения было игнорирование этого постановления партии и печатниками, и служащими.

Особую остроту вопрос приобретал в практике союза служащих (к этому времени в соответствии с условиями, созданными советской системой, превратившегося из союза

торговых служащих в союз советских служащих), объединявшего в одной Москве уже не десятки, а сотни тысяч людей. Даже в профсоюзных органах преобладали беспартийные — возможно, бывшие эсеровские элементы; и меньшевики, почти исключительно правого толка, еще находили себе прибежище в верхах. Автор этих строк с конца 1918 г. по 1921 г. занимал выборные посты в президиуме ЦК союза и в Московском правлении, входил от меньшинства ЦК в ВЦСПС, а от одного из крупных учреждений был депутатом Московского совета рабочих депутатов. Таким образом, я был довольно хорошо знаком с настроениями массы профсоюза служащих и с той борьбой за свободу и независимость против вмешательства большевиков, которая тогда шла в центре и на местах. Для характеристики положения достаточно отметить, что в 1920 г. шли не только массовые аресты членов союзов по всей России, но около 20 союзов служащих были закрыты и распущены ЧК, военными органами и другим начальством. Что означала попытка партии участвовать в союзе служащих в качестве социал-демократической фракции? Могу привести поучительную иллюстрацию этому.

Летом или осенью 1920 г. была созвана московская губернская конференция союза служащих. Соотношение сил на ней было почти равное: примерно по 80 делегатов приходилось на большевиков и независимцев. Московский комитет партии считал правильным в связи с этой конференцией провести в жизнь решение о выступлениях меньшевиков под фирмой партии и с этой целью командировал на конференцию двух членов комитета (один из них был Б. Л. Гуревич-Двинов). Когда оба комитетчика прибыли на конференцию, они быстро убедились в том, что если образовать на ней меньшевистскую фракцию, то можно с трудом набрать в нее 7-10 человек и только, т. е. даже лишиться себя возможности выступать на конференции. Поэтому они без труда признали необходимым образование фракции независимости. За это „правонарушение“, кстати, оба комитетчика были преданы суду партийного комитета, в котором крайняя левая добивалась исключения их из партии за такое поведение. Эти партийные тенденции, враждебные идее независимости, вызывали в рядах правых меньшевиков-профессионалистов особое отталкивание от ЦК. Помню, что в качестве секретаря

комиссии при ЦК партии по профессиональному движению (среди членов ее были Д. Ю. Далин, печатник И. М. Буксин, И. И. Рубин и др.) я вел переговоры о вступлении в комиссию наших самых выдающихся профессионалистов — М. Г. Гриневича и П. Н. Колокольниковца. Но оба они категорически отказались работать совместно с ЦК и, кстати сказать, отказались „перерегистрироваться” в московской организации партии после принятых в марте-апреле 1920 г. на партийных совещаниях левосоциалистических решений.

В этот период деятельность правых меньшевиков в Москве сосредоточивалась на попытке подвести политические итоги заканчивающейся фазе большевистской революции — военного коммунизма и гражданской войны — и выработать свою политическую платформу. С этой целью устраивался ряд совещаний правых, в которых участвовали кроме печатников и служащих-профессионалистов Потресов, Либбер, Вайнштейн-Звездич и др. Помню появление на таком собрании В. О. Левицкого-Цедербаума, только что освобожденного из тюрьмы. Наше собрание происходило в каком-то отделе кооперации, где, как видно, происходил ремонт, не было стола и стояли в беспорядке огромные некрашенные скамьи. После дискуссии была выбрана комиссия для составления платформы, проект которой составил Колокольников. Мы потом зачитывали этот проект в тот день, когда в Москве происходили похороны Кропоткина, и нашу редакционную встречу пришлось прервать. Но платформе этой не посчастливилось: размноженный текст ее прибыл на собрание 25 февраля 1921 г. в клуб „Вперед”, но это было последнее легальное собрание партийной организации в Москве; туда явился отряд чекистов и всех арестовали, и сотню экземпляров правой платформы пришлось — во время разгрома собрания — спешно уничтожить. Есть основания думать, что ни одного экземпляра платформы так и не уцелело.

Накануне этого разгрома московской организации меньшевиков и ареста почти всего ядра ЦК партии в Москве почувствовался перелом. В моих тюремных записях я касаюсь атмосферы февральских дней 1921 года:

„В воздухе повеяло новым. Заговорили о сдвиге в настроении рабочих районов Москвы. Зашевелились заскорузлые красноармейцы и курсанты. Беспартийные конференции

рабочих и красноармейцев устраивают неприятные сюрпризы властям... Конференция металлистов объявила оппозицию и в свою делегацию выбрала даже одного меньшевика. Огромная волна крестьянских восстаний в Тамбовской и Воронежской губерниях подавляется с неслыханной жестокостью артиллерией и броневыми поездами... А в Москве рабочие Рязано-Уральской железной дороги обсуждали текущий момент в институте имени Карла Маркса. И на Высших женских курсах шли оживленные рабочие собрания. Луначарский и Калинин с трудом добивались слова. Весь вечер с двумя товарищами я пробродил в Замоскворечьи, отыскивая связи и прислушиваясь к робким признакам нарастающих событий."³⁵

Сейчас, расшифровывая эти записи накануне Кронштадта и вскоре вырванного им НЭПа, я вспоминаю оживленную фигуру С. Л. Вайнштейна-Звездича, одетого в высокие сапоги и рабочую блузу, который при первых звуках оживления тряхнул стариной и поспешил на рабочие собрания и уже готовился там „потребовать слова” и попытаться политически, по-меньшевистски, оформить рабочую стихию. Он побывал и на Высших женских курсах, и в Институте Карла Маркса, и передавал свои впечатления мне и Б. С. Васильеву, и мы вместе пошли в Замоскворечье, где у нас была „связь” с рабочими электрической станции Епифановым, меньшевиком правого толка. Попав вскоре в тюрьму, мы еще долго хранили след этих новых для большевистской России ожиданий.

Хочу коснуться еще одного вопроса, относящегося уже к более позднему времени. Я был выслан за границу в составе небольшой группы меньшевиков после голодовки в Бутырской тюрьме в январе 1922 г. и непосредственного участия в работе партийного подполья не принимал. Из нашего прекрасного далека, от Заграничной делегации и редакции „Социалистического вестника”, мы знали о массовых арестах в Москве, Петрограде и в провинции, особенно на юге и северо-западе, о разгроме нашего утлого меньшевистского подполья и поразительных попытках возрождения его объединенными усилиями представителей разных течений (в том числе и правых меньшевиков, еще недавно чуравшихся партийной организации). В это время до нас начинали доходить вести о новых явлениях, наблюдавшихся вначале НЭПа среди некото-

рых элементов партии, в том числе и среди правых меньшевиков. Эти явления сопровождались отодвиганием политических вопросов на второй план и порой отходили от партии, во всяком случае от практического участия в ее делах.

Сейчас, задним числом (в свое время мы, эмигранты, не задержались на этом), нужно признать, что в связи с НЭПом, с надеждами и иллюзиями, возбужденными им в области оздоровления народного хозяйства, доведенного до последней черты военным коммунизмом, гражданской войной, антикрестьянским террором, бессмысленным экспериментаторством большевиков и голодом, среди меньшевиков, в том числе и среди правых меньшевиков, сохранивших случайно свои легальные позиции, стало наблюдаться не только положительное отношение к НЭПу, но порой даже увлечение новыми возможностями в области хозяйственного возрождения. Иные из увлеченных работой в рамках НЭПа даже пытались сочетать эти свои настроения с участием в нелегальной партийной деятельности.

Впервые мы в эмиграции услышали об этом от С. Л. Вайнштейна-Звездича, приехавшего в Берлин весной 1923 г. и отразившего в своих рассказах настроения какого-то подъема среди интеллигенции в Москве, что несколько, однако, не пошатнуло лично у него принципиально-непримиримого отношения к режиму диктатуры. Были и другие показатели этого нового явления. В. Г. Громан, в 1920 г. входивший в качестве „советника” по экономическим вопросам в ЦК партии, в первые годы НЭПа, приезжая за границу, был в большой мере охвачен манией планирования народного хозяйства, но все же оставался решительным противником диктатуры, утверждая, что „мозгов у них нема”, — отсюда, мол, и все чудовищные противоречия НЭПа.

Вполне возможно, что за увлечение НЭПом некоторым меньшевикам пришлось заплатить отходом от политической деятельности (неизбежно нелегальной). Однако в условиях диктатуры, как это показал процесс так называемого „Меньшевицкого центра”, состряпанный Сталиным в 1931 г., меньшевики — правого и левого толка — не спаслись тем, что отошли от непосредственного участия в политике. Диктатура прекрасно отдавала себе отчет в том, что меньшевики при всех условиях являются потенциальной политической оппо-

зицией и поэтому жестоко расправлялась с ними. В группе обвиняемых по этому процессу, к правым меньшевикам в разное время принадлежали В. К. Иков (Миров), В. В. Шер, А. М. Гинсбург (Наумов), И. Г. Волков и др.

Из области фракционных внутрипартийных отношений мы приведем два факта в качестве иллюстрации к царившей тогда атмосфере напряженной борьбы. 16-20 августа 1920 г. суду Верховного революционного трибунала были преданы 28 лиц по методу амальгамы — среди них были известные меньшевистские деятели В. Н. Розанов и В. О. Левицкий-Цедербаум, обвиненные в участии в 1918-19 гг. в Союзе возрождения. Судя по речи обвинителя Крыленко³⁶, Левицкий „информировал Союз о настроении рабочих и о положении в меньшевистских кругах”, а Розанов „состоял членом петроградской группы Союза, которая выясняла возможность возникновения деятельности городской Думы после прихода Юденича и несколько раз приезжал в Москву для связи с главными руководителями Союза”.

ЦК, в связи с показаниями Розанова и Левицкого на процессе, проявлял большую активность. В частности, имеются два обширных заявления ЦК, одно от 21 августа 1920 г. — „К процессу над В. Н. Розановым и др.” и другое от 8 сентября — „По поводу писем В. Розанова и В. Левицкого”, адресованных последними в ЦК. В ответе на эти „резкие письма” ЦК счел нужным со всей определенностью отметить, что ни у кого не может быть ни малейшего сомнения в том, что ни Розанова, ни В. Левицкого, ни подобных им бывших товарищей по партии, отдавших десятки лет своей жизни делу рабочего класса и революции, ЦК не считает и не может считать ни сознательными „агентами контрреволюции”, ни людьми, ставящими себе целью создание „генеральской диктатуры”.

И тем не менее ЦК счел нужным и возможным через своего секретаря 19 августа 1920 г. прислать заявление в заседание Военно-революционного трибунала, снимающее с ЦК „всякую политическую ответственность” за деятельность Розанова и Левицкого и запрещающее им „пользоваться партийным именем и знаменем”:

„Участие в Союзе возрождения... за спиной партии, являясь грубым нарушением доверия партии и действием,

враждебным всей партийной политике, вело бы в случае обнаружения к исключению из партии. ЦК просит о приобщении к делу и оглашении настоящего заявления.”

Разумеется, Крыленко с удовольствием это сделал и использовал это выступление ЦК как против обвиняемых, так и против партии.

Другой факт относится к внутрипартийным делам. Перед нами протест из Бутырской тюрьмы 11 членов Донского комитета РСДРП и 4 членов организации против постановления ЦК о замене старого названия „Донской комитет” новым: Ростово-Нахичеванская организация. С первого взгляда вопрос имеет чисто организационное и локальное значение. Но по уверению авторов письма это переименование имеет сугубый политический смысл, ибо „ЦК, вслед за ростовскими интернационалистами, признает, что Донской комитет настолько скомпрометировал партию”, что необходимо отречься от его старого имени. Это тем более несправедливо, пишут протестующие, что сам ЦК в резолюции 14 июня 1920 г. заявил, что он „отвергает с презрением попытку ЧК использовать против ростовских товарищей их политическое расхождение с ЦК РСДРП, ибо как бы значительно не было это расхождение, оно касается вопроса о методах борьбы за классовые интересы пролетариата и ничего общего не имеет с обвинениями в содействии Деникину и другим реакционным генералам”.

Опираясь на эту резолюцию ЦК, члены Донского комитета РСДРП пишут из Бутырской тюрьмы, что, „идя навстречу ростовским интернационалистам, значительная часть руководителей которых во главе с председателем группы уже перешла к коммунистам... постановление ЦК не может быть рассматриваемо иначе, как новое проявление политики осадного положения в партии...”

В этот период усиление большевистского террора, острием направленное против социал-демократии (в равной мере против правых и левых), привело довольно скоро к уничтожению скромных позиций, какими располагал меньшевизм в советской легальности и бросило большинство деятелей партии в советские тюрьмы. Крестьянские волнения 1920 г., Кронштадтский мятеж 1921 г., вызвавшие к жизни НЭП, сопровождались почти полным разгромом меньшевистских

организаций. В 1922 г. стало ясно, что если в советской России возможна еще какая-нибудь социал-демократическая деятельность, то только в подполье. В это же время стало наблюдаться некоторое сближение враждующих крыльев, и в состав русского Бюро ЦК по соглашению с Заграничной делегацией РСДРП, уже выпускавшей с февраля 1921 г. „Социалистический вестник“, были введены правые меньшевики: М. М. Либер, Б. С. Васильев, Г. Д. Кучин.

Деятельность меньшевиков в России была строго законспирирована. Была поставлена нелегальная типография, выпускавшая листки и впоследствии журнал „Социал-демократ“. Надо поражаться, как в тягостных условиях удалось представителям правого течения, внутрипартийным меньшевикам, разработать свою развернутую платформу. Этот документ как выражающий мнение внутрипартийных правых социал-демократов, принимающих участие в партийной работе, орган внепартийных социал-демократов „Заря“ (Ст. Ивановича) получил в марте 1923 года из Москвы („Социалистический вестник“ не опубликовал этих тезисов).

Исходным моментом документа является оценка эпохи. Кризис капитализма в результате мировой войны, процессы социального распада и деклассирования „совершенно исключают возможность для ближайшей эпохи непосредственного перехода к социалистическому строю“. Вместе с тем авторы тезисов считают, что в мире нет возврата к эпохе органического развития к классическому капитализму. Тем более важно для рабочего класса в его дальнейшей борьбе быть готовым к отпору реакции, и в этой борьбе „обеспечение демократического строя“ является основной предпосылкой успеха. Большевицкая революция в России, вынужденная пойти на НЭП, не только заранее исключила успех социалистического производства, но вновь поставила проблему возвращения на капиталистические пути развития. Этот путь должен неминуемо привести к гибели режим олигархической партийной диктатуры. В новую свою платформу РСДРП, по мнению авторов тезисов, должна включить требование постепенной денационализации промышленности, защиту интересов рабочих и крестьян. „Существующий строй явно враждебен интересам рабочего класса и демократии и нахо-

дится в непримиримом противоречии с потребностями хозяйственного развития. Выбор средств борьбы определяется соотношением сил и учетом реальной обстановки.”

В кратких словах мы остановимся на процессах внутрипартийной жизни и борьбы в еврейском социал-демократическом Бунде в первые годы революции, тем более, что оставшаяся верной социал-демократическому знамени часть бундовского движения тесно примыкала к меньшевизму. Непосредственно после октябрьского переворота ЦК Бунда в общем поддержал линию на Викжель, на переговоры с большевиками, на поиски компромисса. Состоявшийся в ноябре 1917 г. Восьмой съезд Бунда прошел под знаком этих настроений. Представители правого течения в Бунде, М. И. Либер и другие, остались в незначительном меньшинстве; политическую ориентацию Бунда определило левое крыло во главе с Р. Абрамовичем, к которому примкнул ряд деятелей центристского направления.

В дальнейшем, под влиянием революций в Центральной Европе, а также ввиду сдвигов, имевших место в европейских массах Украины и Белоруссии в период гражданской войны и кровавых погромов, которыми ознаменовало себя Белое движение, в Бунде начался процесс радикализации и стали расти просоветские, прокоммунистические настроения. Уже в марте 1919 г. на Девятой конференции в Минске большинство делегатов Бунда шло гораздо дальше левых меньшевиков в своих политических решениях, а на Украине в результате раскола в Бунде образовались самостоятельные социал-демократические меньшевистские и коммунистические фракции. С каждым месяцем усиливался в головке Бунда уклон в сторону коммунизма. Вслед за недавним оборонцем М. Рафесом, А. Чемеринским и др., действовавшими на Украине, стали готовить раскол Бунда М. Фрумкина, А. Вайнштейн, Я. Левин в Белоруссии и других пунктах советской России.

Для того, чтобы дать отпор прокоммунистическим настроениям в Бунде и удержать позиции социал-демократической меньшевистской части Бунда, образовалось в 1919 г. в Москве „Бюро социал-демократических организаций Бунда” на основе соглашения представителей левого и правого течения. Во главе левых находились Р. Абрамович, А. Литвак,

И. СВЕЦИЦКИЙ и др. Среди правых приняли активное участие в этой борьбе М. И. Либера, И. Л. Юдин, Р. Левит, А. Браун, Г. Аронсон, Т. Гейликман, И. Герцык, Евгения Гурвич, И. Харлаш, Л. Эткин, М. Бабин и др. В апреле 1920 г. в Москве на Двенадцатой конференции Бунда произошел окончательный раскол Бунда. Большинство приняло коммунистическую платформу и объявило Бунд коммунистической организацией, которую год спустя под давлением РКП и Коминтерна пришлось ликвидировать. Социал-демократическое меньшинство конференции во главе с Р. Абрамовичем образовало социал-демократический Бунд, выбравший свой ЦК, куда вошли представители левого и правого течения (от правых — И. Юдин, Р. Левит, А. Браун, Г. Аронсон и др.). Судьба социал-демократического Бунда оказалась в буквальном смысле судьбой меньшевизма. Более того, с 1920 г. деятели социал-демократического Бунда стали неизменными и активными участниками меньшевистской работы и в советской легальности, и в подполье. Кроме М. И. Либера в центральном аппарате меньшевистского подполья принимали участие бундовцы В. М. Дабкин, И. В. СВЕЦИЦКИЙ, Иосиф Хайкинд (Эльчик) и др.

4. Плеханов и Аксельрод после октября 1917 г.

Заслуживает особого рассмотрения позиция, занятая после октября 1917 г. основоположниками русской социал-демократии Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, неприимимость которых к большевистской революции дает основание включить их в орбиту правого меньшевизма.

Г. В. Плеханов как-то, шутя, сказал, что меньшевики порой „согласны между собою разве только в том, что меньшевизм лучше большевизма”. Если это замечание попадает не в бровь, а в глаз меньшевизму вообще, то оно также характерно и для правого течения в меньшевизме. Там тоже было сколько угодно оттенков, чуждавшихся друг друга, и политических тенденций, отрицавших друг друга. Это явление уже отчетливо существовало, например, в оборончестве с

самого начала Первой мировой войны. Между „агрессивно-национальным” оборончеством Плеханова и оборончеством, окрашенным в интернационально-социалистические цвета Потресова, было уже мало точек соприкосновения.

Казалось бы, в эмиграции, после переворота, когда большевики уже прочно сидели у власти, только организационные разногласия служили водоразделом между внутрипартийными и внепартийными правыми меньшевиками. Нет, порой оказывалось, что П. А. Гарви расходится с А. Н. Потресовым в вопросе об отношении к большевизму. В „Социалистическом вестнике” (№ 13, 1929) Гарви выступил против взглядов Потресова на реакционную сущность большевизма. „Большевизм есть несомненно фаза нашей революции, — писал он. — Признание этого факта не исключает допустимости революционного отношения к большевистской диктатуре.” По этому вопросу были у Гарви расхождения и с ближайшими единомышленниками, не разделявшими никаких иллюзий насчет революционной ипостаси Ленина, не говоря уже о его наследниках, в этом вопросе полностью солидарными с Каутским, Потресовым, Аксельродом.

В цитируемой статье П. Гарви очень скупно изложил свою точку зрения. Но этого было достаточно, чтобы Ф. Дан тут же в „Социалистическом вестнике”, приветствуя заявление Гарви, подчеркнул противоречивость его позиции. Из слов Гарви вытекает, что он относится к большевизму принципиально по-иному, нежели к старому режиму. А раз так, то „революционное отношение”, т. е. свержение, превращает отношение к большевизму в антиреволюционное, писал Дан.

Обозревая деятельность правых меньшевиков и в России, поскольку там еще можно было продержаться, и в эмиграции, следует констатировать, что в правом крыле меньшевизма были группы и отдельные деятели, последовательно и прямолинейно проводившие свою линию непримиримости, и были элементы, по своему политическому и душевному складу склонные занимать позиции „правого центра”. Идеологически наиболее ярко выраженный противник большевизма П. Б. Аксельрод, например, в вопросах практической политики представлял собой тип деятеля умеренного, не только никогда не поддерживавшего темпераментного и активно настроенного Степана Ивановича, но порой даже не одобряв-

шего, например, планов выпуска самостоятельного органа внутрипартийными правыми, хотя отдавал себе отчет в том, что и для них, и фактически для него самого трибуна „Социалистического вестника” была очень мало доступна.

К характеристике правого течения любопытно отметить, что Ст. Иванович, бывший на крайнем фланге этого течения, сотрудник милюковских „Последних новостей”, „Новой России” Керенского и „Современных записок”, считал себя до кончиков ногтей марксистом. Он как-то писал в „Записках социал-демократа” (№ 19, 1933) по поводу одного выступления Ф. Адлера в „Кампфе” против Каутского, что хотя представители правого течения „вырабатывали свое отношение к большевизму самостоятельно... работы Каутского углубили это отношение и дали ему научный базис последовательно-марксистского мышления”.

А Потресов воспользовался случайным поводом, чтобы заявить протест против попытки обозначить его и представляемое им течение как „крайне правое”. „В международной социалистической среде понятие „крайне правого” в социализме имеет совершенно определенное социально-политическое содержание, — писал он в „Записках социал-демократа” (№ 11, 1932). Европейский социалист не обязан знать, что у нас, русских социал-демократов, тот в обиходной речи считается более правым, кто более непримиримо относится к большевизму у власти, и, наоборот, тот сходит за более левого, кто больше большевизанит...”

И, тем не менее, „каутскианец” Степан Иванович и отрекавшийся от крайне правого направления Потресов входят в историю социал-демократии органически, как представители правого меньшевизма — ранее в России, а затем — в эмиграции. И хотя они оставались, в отличие от внутрипартийной оппозиции, вне рядов официальной партии, оставались потому, что для них были закрыты даже столбцы „Социалистического вестника”, надо констатировать, что с годами диапазон политических и тактических расхождений между ними и, скажем, Заграничной делегацией, все время уменьшался.

В двадцатые годы, по окончании гражданской войны, вопрос о свержении большевизма, о восстании масс против режима большевистской диктатуры, тем более — о праве на

восстание, потерял актуальное значение. Споры носили характер если не абстрактный, то теоретический. Споры были не о настоящем и даже не о близком будущем, а о прошлом. В сущности несколько отвлеченный характер носили и дискуссии по другой линии тактических проблем: о соглашении с большевистской партией или с композициями, о возможности демократической эволюции диктатуры, самоликвидации ее и т. д.

Другое дело — область идеологических расхождений. Конечно, они переплетались с вопросами политики и тактики. Но для социал-демократии, для русского меньшевизма особенно, еще до сих пор проблемы мирозерцательного порядка, как бы предопределяющие политику и тактику, сохраняют свое особое значение, независимо от реальных возможностей действия. Все вопросы дня как бы упирались в выработку идеологии. В идеологическом разрезе вставал вопрос о характере русской революции: буржуазная или социалистическая. В каком обличье будет Россия „на другой день”, после падения большевистской власти: крестьянская, буржуазно-демократическая, на капиталистической основе, или Россия социалистическая с гегемонией в ней рабочего класса? Вступили мы в „переходный период” эпохи мировой социальной революции или, даже учитывая наличность глубокого кризиса в мире, мы остаемся в лоне капиталистической системы? И отсюда вытекающая принципиальная проблема: мыслим ли мы, что социализм при всех условиях сможет быть осуществлен на основе демократии или мы допускаем для некоторых стран (и для России) диктаторский путь? Одним словом проблема: демократия или диктатура? Над этим кругом вопросов, получивших особую остроту в свете исторической драмы, разыгрывающейся в России, билась сотня и тысячи голов в мировом социалистическом движении. Естественно, они лихорадили меньшевизм и стояли в центре напряженного внимания всех течений в меньшевизме, вызывая вечные дискуссии, а порой и отколы.

Особое место в выработке основ правого течения, его принципиального подхода к большевизму у власти, занимают Плеханов и Аксельрод. Плеханов — крайний оборонец и Аксельрод — интернационалист эпохи Первой мировой войны. На платформе правого течения в меньшевизме они встрети-

лись после октябрьского переворота. Это было новое течение, вызванное к жизни приходом к власти большевиков. Об этом говорит и Потресов в передовой в первом номере „Записок социал-демократа” (1931):

„Борьба с диктатурой... идейно сблизила представителей до того различных оттенков социал-демократической мысли — и некоторых сторонников Циммервальда, и прежних оборонцев.”

И тут хочется подчеркнуть один общий штрих в деятельности Плеханова и Аксельрода — этих первых русских учеников Маркса, до конца дней своих оставшихся верными ортодоксальному марксизму: марксизм нисколько не помешал им протянуть руку традиционным противникам марксизма — социалистам-революционерам, не помешал элиминировать расхождения и создать с ними общий фронт, когда, по их мнению, обстоятельства этого повелительно требовали. Плеханов в самом начале Первой мировой войны вступил в тесную коалицию с эсерами, национально настроенными оборонцами, и марксисты с народниками (Авксентьевым, Аргуновым, Бунаковым и др.) сообща стали издавать в Париже журналы „Почин” и „Призыв”. В свою очередь Аксельрод в 1917 г., очутившись в Стокгольме в составе международной советской делегации, выехавшей для созыва социалистической конференции, лишь только узнал о захвате большевиками власти в России и об установленном ими террористическом режиме, тотчас стал вместе с эсерами выпускать на иностранных языках антибольшевистские издания. А ведь в России до октября Аксельрод далеко не был в восторге от коалиционной политики Временного правительства, ни от меньшевистско-эсеровского блока в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Плеханов больше чем кто бы то ни было другой в оборонческом лагере был принципиальным и политическим противником большевизма. В его тактических концепциях эпохи Первой мировой войны и февральской революции доминировала идея обороны России от германского империализма. Для него враг № 1 была Германия, Ленин — его пособник, а интернационалисты — „полуленинцы”. Отстаивавшаяся им внешняя политика для России была проникнута национализмом, и под этим углом зрения Плеханов ратовал за сохра-

нение тесной связи с союзниками, за укрепление боеспособности русской армии и подчинение интересам обороны всей внутренней политики революции. Пацифизм был для него исчадием ада, а борьба за мир, по тогдашним формулам „без победителей и побежденных” — чуть ли не изменой. Созданная им еще в 1914 г. организация „Единство” (и одноименная газета — в 1917 г.) чуралась какого-нибудь общения с другими разветвлениями меньшевизма.

Тем не менее, Плеханова с его единомышленниками — В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и немногими другими — можно было считать на крайнем фланге меньшевизма, да и то с оговорками. Когда в февральскую революцию в оборонческих кругах возник план создания большой политической газеты с Плехановым — справа, Церетели — слева и Потресовым — в центре, этот план вызывал к себе недоверие прежде всего со стороны Плеханова. Он в сущности являл собой до конца трагический образ одиночества.

В своем органе, пользовавшемся очень скромным влиянием как в советских, так и в меньшевистских партийных кругах, Плеханов вел атаку не только против Ленина и „полуленинцев”, но и против советского большинства и блока меньшевиков и эсеров, руководимого Церетели, Даном, Либером, Авксентьевым, Гоцем — тщательно подмечая все слабости и противоречия их политики, с отличавшей его полемической беспощадностью. (Когда-то Вера Засулич метко сказала про Плеханова, что он полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своим противникам.) Незадолго до октября, в связи с выступлениями Керенского, Терещенко, Верховского в Предпарламенте, Плеханов обвинил Временное правительство в том, что и оно попало в плен к циммервальдско-кинтальским тенденциям.

В этих настроениях застал Плеханова октябрьский переворот. Он жил тогда в Царском Селе, и так случилось, что 31 октября в 4 часа дня в квартиру отца русского марксизма в поисках оружия ворвалась традиционная ленинская „тройка”: матрос, солдат, рабочий-красногвардеец. Вскоре „тройку” сменило новое лицо в матросском обличье, и, приставив револьвер к груди Плеханова, вновь потребовало выдачи оружия. Для Плеханова ничего в этом налете не было неожи-

данного. Жене, Р. М. Плехановой, считавшей совершенно „невозможным” обыск у Плеханова, он говорил: „Как ты мало знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся стихией.” Плеханов переехал в Петроград, потом нашел убежище в санатории в Финляндии. Он был болен — у него открылся давний легочный процесс. Душевное состояние его было настолько подавленным, что друзья пытались скрыть от него известие об убийстве Шингарева и Кокошкина в январе 1918 г. Несмотря на это, он продолжал писать в своем „Единстве” почти до самой смерти, последовавшей 30 мая.

Исторически сложившиеся взаимоотношения Г. В. Плеханова с меньшевизмом были очень сложны и даже противоречивы. Достаточно вспомнить, что на Втором съезде РСДРП (1903) он вначале пошел с Лениным, что в революцию 1905-07 гг. он занимал крайнюю правую в меньшевизме позицию (выступал за соглашения с кадетами на выборах в Государственную думу). Он не только остался чужд самому характерному явлению в истории меньшевизма — ликвидаторству, но в борьбе с ним стал создавать собственную группировку „партийцев”, сблизившую его вновь с Лениным.

В последующие годы Плеханов никак не мог примириться с мыслью, что меньшевики после „августовского блока” (1912 г.) превратились из идейного течения в социал-демократии в самостоятельную партию. Нет, Плеханов считал меньшевизм только „фракцией”. Накануне войны, в Брюсселе, при Международном социалистическом бюро, в совещании всех течений социал-демократии, за исключением большевиков, Плеханов участвовал, но, по-видимому, считал это совещание фракционным. Он видел в нем только шаг к „восстановлению РСДРП”. В 1917 г. он писал, что война помешала этому восстановлению, но она „никоим образом не поставила меня и моих ближайших товарищей за пределы будущей нашей партии”³⁷.

Совершенно очевидно, что после октябрьского переворота меньше всех других мог Плеханов, говоря о будущей социал-демократической партии, рассчитывать на включение в нее каких-нибудь элементов большевизма. Он был полити-

чески изолирован, но всеми своими помыслами принадлежал меньшевизму, если не как партии, то как социал-демократическому направлению.

Литературное наследство Плеханова за те несколько месяцев, которые он прожил после октябрьского переворота, исчерпывается немногими его статьями в „Единстве”. Эта небольшая газета несомненно вела непримиримую борьбу с большевизмом — протестовала, разоблачала, возмущалась большевистскими насилиями. Любопытно, что статьи Плеханова посвящены не актуальным политическим событиям. В двух томах „Год на родине”, где собрано все, что он писал за последние 6-7 месяцев своей жизни, вы не без удивления наталкиваетесь на попытку каких-то теоретических „разъяснений” — объяснений Плеханова. В чем дело? По какому случаю Плеханову нужно объясняться в связи с захватом власти большевиками, с теми большевиками, которых он считал и пособниками немцев, и предателями социализма? А вот, оказалось, что нужно. Полноты ради, следует остановиться на этом эпизоде.

Печать разных направлений (в том числе и эсеровское „Дело народа”), в связи с большевистскими лозунгами о диктатуре пролетариата в России, вспомнила про знаменитое выступление Плеханова на Первом конгрессе Второго Интернационала в 1889 г. „Революционное движение в России восторжествует, как движение рабочего класса или совсем не восторжествует”, провозгласил тогда Плеханов. И вот торжествующие большевики эксплуатируют в свою пользу это выступление Плеханова, действительно, вскружившее немало голов в русской социал-демократии. Сейчас, разумеется, Плеханов — и не в первый раз — предостерегает русский пролетариат, составляющий меньшинство в стране, против иллюзий преждевременного захвата власти. „Наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти”³⁸.

Но в прошлом числилось за Плехановым еще выступление на Втором съезде РСДРП, когда он, поддерживая мысль другого будущего меньшевика, признал только относительную, а не абсолютную ценность политической свободы и допускал, что в интересах революции можно в две недели разогнать избранный народом парламент. Конечно, враждеб-

ной Плеханову печати было как нельзя кстати извлечь из забвения и эксплуатировать эти якобинские заявления. В статье „Буки-Аз-Ба”³⁹ Плеханов отвечает своим оппонентам. Но как отвечает? Он ясно говорит, что и разгон Учредительного собрания, и покушение на свободы со стороны большевиков никак не могут опираться на его суждения в 1903 г. Но ему казалось это недостаточным, и он призывает в свидетели и философию Гегеля, и высказывания Энгельса, и доводы о целесообразности, и аргументы против категории безусловности, и многочисленные исторические аналогии, и, очутившись в сетях диалектики, вновь повторяет ту же ошибочную мысль, которой он ушиб в свое время немало социал-демократов: „Высший закон — это успех революции”.

Ну, Ленин и его соратники руководствовались этим принципом во имя успеха организованной ими революции и действительно достигли успеха. Они разогнали Учредительное собрание, задушили молодую демократию. Они отравили последние месяцы существования Плеханова, который выпил до дна свою чашу политического одиночества.

Вся деятельность П. Б. Аксельрода после большевистского переворота прошла за границей. Самое известие о захвате власти большевиками застигло его в Стокгольме и побудило его немедленно приступить к проведению широкой акции в международных социалистических кругах, чтобы разъяснить им действительный смысл событий в России. Даже среди меньшевиков, хорошо знавших Ленина и его школу, может быть, не было политика, проницательного и осведомленного, который мог бы сравниться с П. Б. Аксельродом в этой взятой им на себя задаче. Этот интернационалист, циммервальдист эпохи войны, последовательный марксист по своему мировоззрению во время пребывания своего в России в 1917 г. близко стоявший к меньшевистскому течению, руководимому Ю. О. Мартовым, отнюдь не разделял ни революционных, ни социалистических иллюзий о большевистской революции. Для него с самого начала было ясно, что с Лениным у власти пришла и победила контрреволюция, пришедшая слева, и каждый шаг большевистской террористической диктатуры — уничтожение свобод, торжество насилия и произвола, ставка на отсталые и деклассированные элементы, использование темной солдатской стихии —

все это, вплоть до разгона Учредительного собрания и органов демократического самоуправления, все это было в глазах Аксельрода явной победой контрреволюции.

Помимо личных встреч с деятелями Интернационала и направления писем, адресованных отдельным социалистическим партиям, П. Б. Аксельрод уже на следующий день выступил с докладом о „Геростратах большевизма”, а с января 1918 г. стал выпускать „за личной ответственностью”, как он пишет, „Эхо России” (на французском языке), а с июня 1918 г. „Голоса из России” (на немецком языке), уже как официальный орган заграничных делегаций РСДРП и партии социалистов-революционеров. В первом номере этого совместного органа, выходившего под редакцией П. Б. Аксельрода и эсеров Н. Русанова и В. Сухомлина в Стокгольме, мы читаем:

„Теоретические и программные расхождения между российскими социал-демократами и социалистами-революционерами не являются препятствием для совместного руководства бюллетенем, ибо они согласны в вопросе о важнейших актуальных задачах революционной демократии в России и о своем отношении к большевистскому режиму.” Только собственными силами российской демократии должен быть ликвидирован большевизм. Ликвидация его внешней военной силой может привести только к увековечению легенды о большевизме, полагает Аксельрод.⁴⁰

Уже в 1918 г. Аксельрод формулировал свою мысль о так называемой социалистической интервенции, о посылке международной делегации в Россию для того, чтобы просветить умы и рассеять иллюзии, которых было немало в социалистических партиях за границей и для того, чтобы морально воздействовать на большевизм, поскольку это еще возможно. В обращении к социалистическим партиям Аксельрод формулирует те вопросы, которые должна международная комиссия выяснить и рассудить, кто прав, большевики или их противники:

„1. Правы ли мы или нет, утверждая, что большевистское господство фактически выродилось в жестокую контрреволюцию? Что правительство, которое выдает себя за исполнителя воли рабочих и крестьян, в действительности не останавливается перед насильственным подавлением рабочих

и крестьянских масс, доведенных до полного отчаяния политикой народных комиссаров?

2. Правы ли мы или нет, утверждая, что политика советского правительства определяется его волей к власти, стремлением сохранить эту власть в своих руках какой угодно ценой? Что оно с этой целью фактически ликвидировало все завоевания революции и ввело систему самого дикого, безудержного террора, который якобы направлен против буржуазии, а на самом деле направлен против страдающих рабочих и крестьянских масс, равно как и против социалистических партий, которые являются выразителями возмущения этих масс?.. Что советское правительство, сделав одну часть рабочего класса своими преторианцами, другие круги рабочих пытается всячески развратить, подкупить... и тем самым обеспечить его покорность себе?"

Это обращение к социалистическим партиям вводит нас в круг идей, определяющих отношение Аксельрода к восторжествовавшему в России большевизму. В другом месте Аксельрод варьирует свою мысль и с большой прозорливостью определяет большевистскую диктатуру, как „диктатуру маленькой группы, которая сотни тысяч людей... деморализует и превращает их в новое господствующее сословие, чтобы с его помощью господствовать над 150-миллионным населением”.

Будучи противником иностранной интервенции и военного вмешательства в ход гражданской войны, Аксельрод все свои усилия отдавал на организацию „социалистической интервенции”. С этой целью он использовал трибуну социалистической конференции в Берне (в феврале 1919 г.), где выступил с речью, призывавшей выбрать комиссию для обследования положения в России. Бернская конференция была созвана для того, чтобы содействовать восстановлению Интернационала, взорванного мировой войной. На ней было 96 делегатов из 26 стран. РСДРП была представлена Аксельродом, который привлек к себе на помощь двух меньшевиков — Г. О. Бинштока и С. Д. Щупака, под влиянием Аксельрода перешедших от интернационалистов к правому крылу меньшевизма и принявших затем участие в следующей конференции в Люцерне. На Бернской конференции большинство приняло предложение Аксельрода и образовало так называемое

мую „постоянную комиссию” для посылки делегации в Россию, но из этого ничего не вышло еще и потому, что меньшинство конференции оказало большое сопротивление идеям Аксельрода. „Вожди центристов, — писал потом Аксельрод в письме к Ю. О. Мартову, — упорно закрывали глаза и уши, чтобы не слышать истины об азиатском режиме”. Они „объявили все заявления о страданиях в России буржуазной фантастикой, бессовестной клеветой”. И „не случайно, — добавляет Аксельрод, — центристы вашу брошюру о терроре замолчали в своей прессе, когда мы ее опубликовали на французском языке”⁴¹.

Прежде чем мы вернемся к этому письму Аксельрода, занимающему видное место в литературном наследстве его за послеоктябрьский период, мы приведем из его брошюры „Кто изменил социализму? (Большевизм и социал-демократия в России)”, вышедшей в Нью-Йорке, в 1919 году, несколько соображений Аксельрода, выясняющих его отношение к большевизму:

„За несколько лет до войны можно было легко заметить, что большевизм был не что иное, как воскресший бакунизм. Теперь.... под прикрытием марксистской фразеологии мы имеем странную смесь противоречивых программ, грубую, доселе неслыханную фальсификацию марксизма, с помощью которой большевикам удалось... обмануть социалистический пролетариат почти всего мира и заручиться моральной и политической поддержкой... своему контрреволюционному режиму, который с варварской жестокостью погубил все демократические завоевания мартовской революции... Идеи бакунистов и бланкистов, — продолжает Аксельрод, — были основаны на иллюзиях, которые составляли часть их убеждений, — большевики не имеют и этого оправдания”⁴².

Аксельрод далее рисует обстановку, наступившую вскоре после октябрьского переворота. „Рабочие старой столицы России, став лицом к лицу с преступлением, совершенным большевиками против демократии и революции, отнеслись пассивно к совершившемуся факту. Но очень скоро, особенно после насильственного разгона Учредительного собрания и расстрела мирных демонстрантов... рабочий класс стал... высказывать свое глубокое недовольство большевистским режимом. С этого момента „рабоче-крестьянское правитель-

ство" сделалось антирабочим и антикрестьянским. Оно обратилось в олигархическую группу, власть которой держится благодаря хорошо оплачиваемой армии опричников, созданной для защиты этой группы от внутреннего врага и на многочисленной и также хорошо содержимой бюрократии... наемников и чиновников"⁴³. Аксельрод заканчивает свою книжку призывом к социалистам всего мира: „Пусть социалистические партии... выберут интернациональную комиссию, состоящую из представителей всех направлений и уполномочат ее исследовать на месте в России, что такое на деле большевистский режим. Тогда они будут в состоянии понять и увидеть, что большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог"⁴⁴.

Из этих цитат легко убедиться, что отношение Аксельрода к русским событиям шло в унисон с позицией, занятой правыми меньшевиками в России и что ЦК партии в Москве не находил с ним общего языка. Тем более, что сношения между советской Россией и западным миром были очень затруднены, особенно во время гражданской войны и блокады. В то время, как Аксельрод вел работу именно в духе своих правых воззрений среди партий Второго Интернационала и представлял РСДРП на конференциях этого Интернационала в Берне и Люцерне, ЦК принял постановление о выходе из Второго Интернационала и о создании нового левосоциалистического Интернационала. В марте 1920 г. наступил момент, когда на партийном совещании был фактически поставлен вопрос об отзыве П. Б. Аксельрода, о лишении его мандата представлять РСДРП за границей, и совещание приняло следующее постановление:

„Совещание считает неотложной задачей ЦК активное содействие скорейшему осуществлению решений французской и других социалистических партий, вышедших из Второго Интернационала, о создании нового Интернационала, объединяющего все революционные организации социалистического пролетариата. В целях такого содействия Центральному комитету необходимо в ближайшем же будущем организовать за границей свое представительство.”

На основе этого постановления и решений, принятых на совещании в апреле 1920 г., где была сформулирована левосоциалистическая программа, вошедшая в историю меньшевиз-

ма, как „апрельские тезисы 1920 г.“, ЦК постановил направить за границу Ю. О. Мартова, к которому скоро был присоединен Р. Р. Абрамович. Это представительство в течение 1921-22 гг. было пополнено другими членами ЦК, оказавшимися за границей или высланными за пределы России, и оформилось в качестве Заграничной делегации РСДРП. Тогда же, 16 апреля 1920 г., ЦК принял следующее решение, непосредственно относящееся к Аксельроду:

„Принимая во внимание, что вследствие полной отрезанности России от Европы т. П. Б. Аксельрод в течение последних двух лет не мог поддерживать контакты с ЦК и не имел возможности, как он сам неоднократно указывал, быть осведомленным о действительной позиции партии в наиболее актуальных вопросах и что таким образом партия не имеет за границей действительного представительства, ЦК постановляет принять безотлагательные меры к организации временного представительства партии за границей“.⁴⁵

В 1921 г. отношение Аксельрода к большевистской революции получило выражение в „Социалистическом вестнике“ (№ 6-7) в ответе на полученное им письмо от Ю. О. Мартова. В более полном виде письмо это, написанное в конце 1920 г., появилось по-французски, а затем по-немецки (в „Социалистическом вестнике“ оно было приведено с большими сокращениями). Но и в этом извлечении оно не оставляет сомнений в позиции Аксельрода. „Большевистский якобинизм — это трагическая пародия на психологической основе геростратизма и «сверхчеловеческого» аморализма, — пишет Аксельрод. — Не из полемического задора, а из глубокого убеждения, я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую кампанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии. Такого же (по существу) характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках.“

Касаясь вопроса о тактике социалистов в борьбе с большевизмом, Аксельрод продолжает:

„В борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом. Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и воен-

ными средствами... является для меня предпосылкой, не требующей доказательств и вытекающей из того факта, что советская власть так же мало, как царская, или еще меньше, способна добровольно отказаться от своего деспотического режима и потому, как и последняя, осуждена на насильственное ниспровержение.”

Аксельрод отдавал себе отчет, что по окончании гражданской войны в советской России прошло время, когда вопрос о насильственном ниспровержении власти приобретает актуальность. Правда, в 1920-21 гг. в стране продолжалось великое напряжение, шли крестьянские восстания на Волге и в Центральной России, а вскоре Кронштадтский мятеж потряс до основания большевистскую власть и вырвал у Ленина экономическое отступление — НЭП. Свирепствовал голод. Неизбежность политических реформ висела в воздухе. Большевистская диктатура, однако, упорно отказывалась вступить на путь политического НЭПа. Террор развивался с новой силой, направляя свое острие с большой жестокостью по адресу меньшевиков и эсеров. Ю. О. Мартов отвечал в весьма сдержанной форме на письмо Аксельрода на столбцах „Социалистического вестника” (№ 8, 1921). Он пытался разъяснить недоразумение: „право на восстание” против большевистской власти и он признает, но считает, что организация такого восстания при нынешнем соотношении сил приведет к победе контрреволюции. А что касается прошлого и той тактики, которую проводила партия в гражданской войне и с которой Аксельрод был решительно не согласен, то мы в борьбе против контрреволюции и интервенции отстаивали большевизм, пишет Мартов, как „меньшее зло”.

П. Б. Аксельрод до самой смерти (в 1928 г.) проживал в Берлине. Он поддерживал тесный контакт с внутривластной оппозицией, с представителями правого течения в меньшевизме, но в правую фракцию не входил. Он стоял в стороне и от деятельности Заграничной делегации. Лишь один раз, в 1923 г., он согласился войти в делегацию РСДРП на Международный социалистический конгресс в Гамбурге. В связи с этим конгрессом он вместе с И. Г. Церетели принял участие в выработке проекта резолюции по русскому вопросу. К сожалению, этот проект редакция „Социалистического вестника” отказалась напечатать. Так, в сущности, на закате своих

дней П. Б. Аксельрод, как Плеханов и как Потресов, познал горечь политического одиночества в меньшевизме.

5. Внутривнутрипартийные правые меньшевики в эмиграции

Образование фракции правых, так называемой внутрипартийной оппозиции, в эмиграции относится к 1922-23 гг., когда в Германии очутились высланные большевистской властью и частью нелегально бежавшие из России меньшевики, активно участвовавшие в деятельности правого течения в России. Идею и организационное ядро правых меньшевиков в Берлине составили в первую очередь П. А. и С. С. Гарви, С. Л. Вайнштейн-Звездич, А. Э. Дюбуа, В. С. Войтинский, М. С. Кефали, Г. О. Биншток, Г. Я. Аронсон, С. Ю. Волин, Ю. А. Гринфельд, И. А. Виляцер, д-р Р. Я. Гинцберг, Г. В. Рабинович, Л. Я. Эткин, А. Ю. Браун и некоторые другие. В других городах были также правые, в частности, в Париже, был М. С. Зборовский, примкнувший к этому ядру в 1933 г., когда берлинская меньшевистская колония пересекла во Францию. Почти все названные лица были видными деятелями социал-демократическими партии в России. Среди них — долгие годы член Центрального комитета П. Гарви, видные участники революций 1905 и 1917 гг. С. Л. Вайнштейн-Звездич, С. М. Зборовский, В. С. Войтинский, А. Э. Дюбуа, игравший выдающуюся роль в профессиональном рабочем движении М. С. Кефали и т. д.

Чрезвычайно большое моральное значение для правого течения имело то обстоятельство, что ряд влиятельных представителей меньшевизма, как П. Б. Аксельрод, И. Г. Церетели, один из основателей Бунда Владимир Косовский, сотрудник социал-демократических немецких изданий П. К. Ольберг, хотя организационно и не все входили во фракцию правых, но полностью разделяли их воззрения как в отношении большевистской диктатуры в России, так и в отношении левого уклона Центрального комитета РСДРП в России и „Социалистического вестника”, выходившего с 1921 г. в Берлине. Существенным было, что правое течение сохраняло

постоянный контакт с некоторыми авторитетными идеологами международного социализма, как Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, которые, в противоположность просоветским настроениям, господствовавшим во многих социалистических партиях в Европе и Америке, понимали истинную природу большевистской революции и непримиримо относились к советской диктатуре.

С весны 1922 г. в Берлине стал выходить под редакцией внепартийного меньшевика Степана Ивановича (С. О. Португейса) орган социалистической мысли „Заря“, который был близок к кругу идей Плеханова и Потресова. Никто, однако, из партийных меньшевиков в нем не участвовал, хотя нити, связывавшие внутрипартийных правых с „Социалистическим вестником“, тоже не были ни постоянными, ни прочными. Вообще взаимоотношения внутрипартийной оппозиции с Заграничной делегацией партии были весьма холодными. Так, в состав Заграничной делегации входил на первых порах только Г. Аронсон (кооптированный с совещательным голосом, как член ЦК Бунда, получивший решающий голос только в 1927 г. по соглашению с Бюро ЦК в России), а в „Социалистическом вестнике“ сотрудничал, да и то не часто, только Г. В. Рабинович (Вейс). Другие — П. Гарви, Г. Биншток (Г. Осипов), С. Волин появлялись довольно редко, а к органической работе, пожалуй, никто из правых привлечен не был. Господствовавшие в партийных инстанциях левые тщательно ограждали входы.

В 1922-23 гг. проходили в начале новой фазы большевистской революции, когда на смену военного коммунизма под влиянием крестьянских восстаний и Кронштадтского мятежа Ленин вынужден был ввести НЭП. Казалось, что левые меньшевики, в годы гражданской войны делавшие ставку на социалистический характер революции, сейчас в изменившейся обстановке будут склонны вернуться к развернутой платформе политической демократии и к более реалистической оценке социально-экономических тенденций развития России. Поэтому основной задачей правой фракции было воздействие на руководителей Заграничной делегации и „Социалистический вестник“ в сторону пересмотра платформы в направлении отказа от левосоциалистических установок. Такого рода пересмотр, по мнению внутрипартийных

правых, мог быть сделан прежде всего путем критики и самокритики прошлого, идеологии и практики левых в 1918-20 гг., поэтому дискуссия по платформе должна была на страницах „Социалистического вестника” обеспечить свободу высказывания всем инакомыслящим в партии и тем самым открыть возможность сближения и стовора с внепартийными меньшевиками и содействовать на широкой основе идейной и организационной консолидации меньшевизма.

Эти два вопроса: о ревизии левосоциалистической позиции ЦК („апрельских тезисов” 1920 г. и др. решений того времени) и об отношении к журналу „Заря” и к направлению, представленному Степаном Ивановичем, — и были поставлены на заседаниях Заграничной делегации. Надо сказать, что если вопрос о дискуссии был Заграничной делегацией внесен в узкие границы с самого начала, то попытка открыть двери организации (даже социал-демократического клуба в Берлине) для внепартийных меньшевиков встретила решительное сопротивление.

7 октября 1922 г. Заграничная делегация постановила по первому вопросу „пределы дискуссии по платформе ограничить рамками разногласий в области текущей политики и практики, разногласия прошлого времени можно поднимать лишь постольку, поскольку это необходимо для основной задачи. Статей, посвященных специально критике позиций партийных течений в прошлом, не помещать”.

Надо, однако, сказать, что полностью такой ригористической позиции провести Заграничной делегации не удалось, и в ноябре появилась статья Г. Аронсона, резко критиковавшая левосоциалистическое направление. Статья была перепечатана в „Заре” Ст. Ивановича и подхвачена общей демократической печатью — „Последними Новостями” и др. Она особенно муссировалась „Правдой” в связи с постановкой в статье вопроса о восстании и свержении режима. Приводим соответствующую цитату, определяющую подход автора к этой тактической проблеме:

„Мы отнюдь не закрываем глаз на слабость демократического движения в стране, на опасность стихийных народных движений, с которыми так легко расправляется железом и кровью деспотический режим, на падение удельного веса, численности и сознательности пролетариата. Мы, как и всег-

да, решительно должны отвергнуть заговорщические пути авантюры и вспышко пускательства и всячески предостерегать от подмены идеи восстания, т. е. идеи революции — идеей „технической организации и подготовки вооруженного восстания”, как известно, являющейся давней специальностью большевиков. Более того, мирный, бескровный исход, возвращение народу похищенных у него прав без насильственного свержения режима казался бы и нам наиболее желательным и экономным путем. Но все это построение окажется пустым и жалким резонерством, если реформирование режима окажется невозможным, если коммунисты, принужденные пойти на НЭП, откажутся дать политические реформы, если история откроет для народа, как единственный путь, путь революции, восстаний и кровавых жертв, если внутренние противоречия режима, постепенно обостряясь, вызовут уличное движение, и организованное массовое давление „всеми средствами” выльется в победоносное народное восстание, свергающее ненавистную власть. Что же, с[оциал]-д[емократическая] партия, организующая пролетариат и пролетарский авангард, возглавляющий народные массы в борьбе за демократию, должны уклониться от последовательной революционной тактики?”⁴⁶

Любопытно привести здесь цитату из статьи А. Н. Потресова, варьирующей эту мысль спустя семь лет:

„Только развертывая на своем знамени эти цели (ликвидация диктатуры и народовластия), — писал Потресов, — и только собрав вокруг себя достаточное количество сил, демократические партии могут, если предвидится случай, вырвать у власти уступки, и могут, буде власть на уступки не пойдет и буде час революции окажется приспевшим, влить свои организованные силы в стихийный процесс, тем самым уменьшая долю хаоса и увеличивая долю сознательности.”

Впрочем, Потресов к этому времени не питал надежды на близость событий в России: „До народной бури в России еще пока далеко”⁴⁷, писал он тогда же.

Редакция так и не провела сколько-нибудь развернутой ревизии прошлого меньшевизма и этим самым открыла возможность при выработке новой платформы сохранить в ней рецидивы ничем не оправданной и скомпрометированной жизнью левизны. Но это уже относится к 1924 г., когда была

формулирована платформа для периода НЭПа. Об этом будет сказано дальше.

Что касается группировки и журнала „Заря”, то Заграничная делегация не выражала никакого намерения пойти навстречу даже самым скромным домогательствам внепартийных меньшевиков. Ст. Иванович не был допущен в меньшевистский клуб из-за того, что в годы гражданской войны, находясь в Одессе, он входил в состав Союза возрождения. „Группа «Заря» не является ни организационно, ни идейно частью РСДРП”, постановила Заграничная делегация от 26 апреля 1923 г., и поэтому, когда представители этой группы, ссылаясь на полученные мандаты от своих единомышленников из России, хотели иметь представительство на Международном социалистическом конгрессе в Гамбурге (май 1923 г.), Заграничная делегация категорически отказалась не только включить их в состав своей делегации, но и содействовать ей в реализации представительства в другой форме.

В это же время Ф. И. Дан, как руководитель Заграничной делегации, вел переговоры с представителями внутрипартийных правых о возможности их участия в партийной работе и, в частности, в выработке партийной платформы. Дан ставил условия, и Заграничная делегация (в заседании 26 апреля 1923 г.) их формулировала: „Оппозиция за спиной партии не ведет переговоров с лицами, стоящими вне партии и ей враждебными и не делает шагов, ставящих партию перед лицом совершившихся фактов”, подчиняется решениям, когда остается в меньшинстве и т. д. Вопрос о пополнении Заграничной делегации представителем правых (с решающим голосом) откладывается, а пополнение редакции „Социалистического вестника” представителем оппозиции — отвергается „в интересах работоспособности редакции”. (Заседание Заграничной делегации от 27 сентября.) Внутрипартийная оппозиция участвовала в нескольких заседаниях, посвященных выработке новой платформы, но это не привело к каким-либо изменениям в организационном отношении. Участие в „Социалистическом вестнике” спорадически продолжалось, но в Заграничную делегацию входил только один Г. Аронсон, с совещательным голосом.

Некоторые перемены начались с весны 1924 г., когда по приезде за границу представителя русского Бюро ЦК Г. Д. Ку-

чина, активного деятеля революции 1917 г., состоялось совещание для выработки новой платформы партии. Г. Д. Кучин сам принадлежал в первые годы большевизма к правому течению и в опубликованных им статьях в „Социалистическом вестнике” подверг критике официальную позицию партии 1918-1920 гг. в тонах, настолько близких к дискуссионной статье Г. Аронсона, что Ю. О. Мартов не случайно объединил обоих авторов в своей последней, незадолго до смерти написанной статье „Ответ критикам”. К моменту партийного совещания в Берлине Г. Д. Кучин занимал позиции „центра”, что в большой степени облегчало осуществление поставленной им задачи по сближению правого крыла с официальными партийными инстанциями.

На партийное совещание было приглашено видное представительство внутрипартийной оппозиции: Г. Аронсон, Г. Биншток, В. Войтинский, П. Гарви, М. Кефали (Войтинского заменил потом А. Дюбуа). Несмотря на некоторый сдвиг, наметившийся в период НЭПа у Заграничной делегации, в новой платформе, принятой совещанием, то и дело звучали ноты, напоминавшие прошлое — эпоху первых лет большевизма. Формулировки ряда пунктов носили абсолютно неприемлемый для правых характер. Так, вернувшись к идее демократической республики (вытесненной в прежнее время лозунгом Советов), платформа оставалась на почве „трудовластия”. Отводя большую роль коммунистической оппозиции в период ликвидации диктатуры, платформа оставляла место для ориентации на соглашение с частью правящей партии. То же самое относится и к апелляции в платформе к мертворожденной советской конституции. Недостаточное выражение получило и отталкивание от идеи сплошной национализации промышленности. Что касается международной части платформы, то в ней преобладала критика господствующего в Интернационале „реформистского оппортунизма” и посылались упреки Рабочей партии Англии в том, что она „до сих пор не доработалась до теоретического обобщения своих классовых задач” и довольствуется борьбой „за частичное улучшение положения рабочего класса на почве капитализма”. „Борьба рабочего класса за политическую власть в целях устранения противоречий послевоенного капитализма путем обобществления орудий производства ста-

новится основным содержанием ближайшей исторической эпохи”, — т.е. эпоха эта, как ранее, вновь воспринимается как эпоха социальной революции, а РСДРП вменяется в обязанность содействовать „сплочению революционно-марксистских элементов внутри РСИ”.

По всем этим причинам делегация внутрипартийных правых голосовала против международной части платформы и собиралась также голосовать против части, касающейся внутренней и экономической политики. Но после длительных переговоров правые пошли на компромисс и, вместо голосования против, воздержались при голосовании всей платформы. Это воздержание, по-видимому, имело и организационное значение: только при этом условии большинство Заграничной делегации соглашалось пойти навстречу требованию правых о пополнении Заграничной делегации представителем внутрипартийной оппозиции. Постановлением Делегации от 22 ноября 1924 г. в ее состав был введен представитель правых М. С. Кефали.

Ясности ради подтверждаем, что с 1927 г., когда Г. Аронсон получил также решающий голос в Делегации, эти оба лица были официальными представителями там правых. Все старания увеличить это представительство не увенчались успехом, как не удалось добиться того, чтобы П. А. Гарви, много писавший в „Социалистическом вестнике” и выдвинувшийся за границу, как литературный представитель правого течения, был введен в состав редакции журнала. На заседаниях Делегации предложение правых о включении П. А. Гарви систематически отклонялось (14 июня 1924 г., 10 ноября 1929 г. и т. д.). Правые порой вносили предложение о включении П. А. Гарви в Заграничную делегацию с совещательным голосом (12 мая 1934 г.), но и это предложение решительно отвергалось.

Приходится констатировать, что в течение долгих периодов „Социалистический вестник”, единственный русский социал-демократический орган, был фактически закрыт для ряда представителей правого течения, среди которых было несколько видных социал-демократических авторов. П. А. Гарви и в берлинский, и в парижский период чувствовал себя не раз вынужденным прерывать всякие отношения с редакцией „Социалистического вестника”. Участие правых,

даже членов Заграничной делегации, в „Социалистическом вестнике” было почти ограничено моментами, приуроченными для дискуссий, а обычно, в силу фракционной междоусобицы, сводилось к минимуму. Даже в годы смягчения разногласий, идеологических и тактических, организационное ущемление прав внутрипартийных правых имело место, и „осадное положение в партии”, если пользоваться словечком Мартова из лексикона 1903-04 г., продолжалось, направляя свое острие не только против внепартийных правых, но и против „лояльных” и „законопослушных” представителей внутрипартийной оппозиции.

Когда в самом начале 1930-х годов левый монолит дал трещину, так называемое „мартовское крыло” распалось, и из него выделились „левое крыло” и „центр”, жестоко порой расходившиеся между собой. Тем не менее обе враждующие группы легко находили общий язык, когда речь шла об ущемлении правых. Характерно для внутрипартийной атмосферы, что в марте 1940 г., во время Второй мировой войны, П. А. Гарви начал свою статью в „Социалистическом вестнике” словами: „Возвращаясь после вынужденного перерыва к работе.” Таких вынужденных перерывов у него было немало за годы 1923-1940. Не менее тягостный осадок остался у правой оппозиции от длительно-безнадежной борьбы за включение Гарви, члена ЦК партии с 1907 г. и бессменного руководителя меньшевиков-практиков в России — в состав Делегации.

Весьма возможно, что отклонение кандидатуры Гарви диктовалось, главным образом, чисто организационными соображениями: боязнь левого большинства Заграничной делегации за „соотношение сил”. Эта боязнь, как показало дальнейшее развитие дел в Делегации, была небезосновательной. Левое большинство в сущности только искусственным путем могло отсрочить процесс постепенного, но неизбежного „поправения” и Делегации, и „Социалистического вестника”, которое фактически означало переход партийных инстанций на линию воззрений, защищавшихся внутрипартийной оппозицией. Это произошло однако уже в разгар Второй мировой войны, когда Заграничная делегация и „Социалистический вестник” уже нашли убежище в Америке.

К характеристике обстановки в нашей заграничной организации следует остановиться на нескольких эпизодах, проливающих свет и на расхождения, существовавшие между руководящими инстанциями и внутрипартийной оппозицией и на взаимоотношения между ними. Быть может, стоит остановиться на мелочи, связанной с литературным выступлением Г. Аронсона, когда он по приглашению А. Ф. Керенского стал берлинским корреспондентом парижских „Дней”. Появление первой его статьи в „Днях” вызвало волнение, и по предложению Ф. И. Дана Заграничная делегация 13 января 1926 г. постановила, что „сотрудничество членов Заграничной делегации в политических органах русской эмиграции признается недопустимым”.

Спустя несколько лет злополучная тень А. Ф. Керенского снова появилась на горизонте Заграничной делегации, вызвав ожесточенную бурю в стакане воды. 6 декабря 1932 г. на заседании Заграничной делегации обсуждался вопрос о том, что В. С. Войтинский, член правой фракции, совершил правонарушение: председательствовал на публичной лекции прибывшего из Парижа Керенского. На заседании было оглашено письмо Войтинского, сообщающего, что он председательствовал в порядке дружеских отношений с Керенским и никакого акта солидаризации с направлением политической деятельности Керенского в акте председательствования не было.

Тем не менее левое крыло Делегации решило по этому вопросу дать бой. Ф. И. Дан от имени своего течения предложил ей считать, что активное участие в докладе представителей других партий является недопустимым для члена партии, ибо оно „затемняет действительную политическую линию партии и воспринимается, как солидаризация с партиями, от которых РСДРП отмежевывается и с которыми ведет борьбу”. Это предложение Дана вызвало возражения со стороны ряда членов Заграничной делегации, и поэтому в связи со случаем Войтинского (а также в связи с тем, что среди лиц, приветствовавших с юбилеем журнал „Современные записки” оказался член Заграничной делегации Б. И. Николаевский) было оглашено заявление пяти членов Делегации (Дана, Югова, Гуревича, Юдина, Шварца), в котором остальные члены Делегации предупредились, что

„при первом новом оказательстве такого рода мы увидим себя вынужденными публично снять с себя ответственность... Мы сделаем все... для спасения русской социал-демократии от политической деморализации и сотрудничества с силами контрреволюции и реставрации и т. д.”

Должен отметить, что это было второе выступление левой фракции, фракции Дана, в Заграничной делегации; первое выступление левых состоялось еще 6 июля 1930 г., полтора года тому назад, по вопросу о публикации „тезисов”, представленных правыми к заседанию Исполкома Социалистического Интернационала, когда оформились три основных течения в Делегации: левая пятерка, „центр”, объединивший трех членов Делегации (Р. Абрамовича, Д. Далина и Б. Николаевского) и двух представителей правого течения. По ряду вопросов правые оказывали поддержку „центру”, почему Делегация, разделенная на две „пятерки”, порой оказывалась не в силах выносить какие-либо решения.

По вопросу о председательствовании Войтинского на докладе Керенского волнение перенеслось за пределы Делегации, в партийную периферию. Фракцию Дана поддержали своим выступлением крайняя левая (ее письмо подписали О. Доманевская, А. Гуревич, В. Шварц). Правая фракция со своей стороны заявила протест попытки левых сводить на этом деле фракционные счета. 21 декабря протест внесли члены Заграничной делегации Аронсон и Кефали, а 22 декабря правая фракция (за подписями Г. Аронсона, М. Кефали, П. Гарви, Ю. Гринфельд, Р. Гинцберга, С. Гарви, Ю. Волига) в свою очередь подала протест „против искусственного раздувания факта, не имевшего никакого политического значения и прошедшего совершенно незамеченным даже во враждебных нам общественных кругах”, а в резолюции, внесенной в Делегацию, увидела „попытку дезавуировать видного деятеля русского рабочего и социалистического движения (В. С. Войтинского), чтобы таким путем учинить фракционную расправу над тем течением в партии, к которому мы принадлежим”.

По этому же вопросу, может быть, уместно привести заявление в Заграничную делегацию, внесенное Г. Аронсоном 20 декабря, как представляющее некоторый политический интерес:

„Я голосую против резолюции потому, что считаю заявление т. Войтинского вполне исчерпывающим вопрос и вижу в факте вынесения резолюции стремление политически отмежеваться от т. Войтинского. Я голосую против резолюции также потому, что, по моему мнению, она преследует цель углубить брешь между нами и теми демократическими и социалистическими элементами, с которыми связан Керенский. Эту постановку вопроса я считаю искусственно усиливающей нашу изоляцию от других элементов русского социализма и демократии и политически пагубной для нашей партии и считаю своим долгом бороться против этой позиции.”

Большое место и в жизни, и в борьбе внутривнутрипартийной оппозиции занял вопрос о привлечении А. Н. Потресова к деятельности Заграничной делегации и к руководящему участию в „Социалистическом вестнике”, когда ему удалось больному и физически и морально измученному тюрьмой и голодухой вырваться из советской России за границу. Правая фракция вскоре после того как Потресов несколько оправился, ознакомился с положением дел и в международном социализме, и в партийной обстановке за границей, решила поставить ребром вопрос перед партийными инстанциями, и 11 марта 1927 г. Аронсон и Кефали предложили Заграничной делегации обратиться к Потресову за сотрудничеством в „Социалистическом вестнике” и в подготавливаемом тогда издании Дискуссионного сборника. „Заграничная делегация не находит оснований ставить этот вопрос на ее разрешение”, — ответила делегация и отмахнулась от предложения правых.

Когда вскоре после того А. Н. Потресов, ознакомившись с выпусками „Социалистического вестника” за те годы, когда пребывание в советской России не давало ему возможности регулярно следить за журналом, издал свою книгу „В плену у иллюзий” (Париж, 1927), в которой подверг критике левосоциалистический курс Делегации, выдерживая ее в духе, родственном высказываниям правого течения, Г. Аронсон и М. Кефали вновь подняли вопрос о привлечении А. Н. Потресова. Проект резолюции, внесенный ими на заседании 12 октября 1927 г., гласил: „Заграничная делегация констатирует, что система взглядов, получившая выражение в брошюре А. Н. Потресова „В плену у иллюзий”, как и его письмо в редакцию „Социалистического вестника”, вполне

укладывается в рамки любой партии, входящей в Рабочий Социалистический Интернационал и тем самым в рамки РСДРП. Поэтому Делегация в интересах консолидации с [оциал]-д[емократических] сил и собирания их под знамя РСДРП постановляет: ...привлечь А. Н. Потресова к участию в „Социалистическом вестнике” и Дискуссионных сборниках”.

Однако и на этот раз предложение правых было отклонено. Вот постановление Заграничной делегации по этому вопросу:

„Заграничная делегация РСДРП констатирует, что литературные выступления А. Н. Потресова не дают Заграничной делегации никаких оснований подымать в настоящее время вопрос о возвращении его в партию или о приглашении его в „Социалистический вестник” или Дискуссионные сборники и что к тому же сам А. Н. Потресов такого вопроса не подымает. Заграничная делегация снимает с обсуждения вопрос о Потресове, возбужденный двумя ее членами.”

Так большинство Делегации отстранило одного из основателей меньшевизма от того, что оставалось от партии и лишило возможности одного из редакторов „Искры” возобновить работу на страницах партийного органа.

Вопрос о Потресове, осложненный в частности тем, что он был и морально, и политически связан со Ст. Ивановичем и его группировкой „Заря”, был предметом частных и закулисных переговоров, и в сущности не столько политическая позиция Потресова явилась препятствием для его вхождения в „Социалистический вестник”, сколько характер переговоров и переписки между Даном и Потресовым. Однако помимо „тайной дипломатии”, борьба за и против Потресова порой принимала довольно острые формы и не раз оказывалась в центре жизни Заграничной делегации. На одном из эпизодов этой борьбы, характеризующих нравы нашей эмиграции, мы задержимся, ибо он сыграл весьма значительную роль в жизни внутрипартийной оппозиции.

Журнал Ст. Ивановича „Заря” прекратился в 1925 г., и только в начале тридцатых годов, несколько оправившись от тяжелой болезни, А. Н. Потресов, считая безнадежным всякую попытку сговора или сближения с „Социалистическим вестником”, приступил в Париже, при помощи амери-

канских друзей и единомышленников (д-ра С. М. Ингермана, Я. М. Джемса и др.) и при участии того же Ст. Ивановича, к изданию журнала „Записки социал-демократа”. Внутривнутрипартийные правые в большинстве своем не были склонны участвовать в органе Потресова, хотя бы для того, чтобы избежать склок в официальных партийных инстанциях. Однако один из внутривнутрипартийных правых Г. Осипов (это был псевдоним одного из выдающихся членов партии, эрудита и писателя Г. О. Бинштока, перешедшего после октября от интернационалистов левого крыла к правому течению) опубликовал в „Записках социал-демократа” свою статью. Заграничная делегация сейчас же решила принять дисциплинарные меры и на заседании 26 февраля 1932 г. признала выступление Г. О. Бинштока в органе Потресова „абсолютно недопустимым и нетерпимым”. Но к следующему заседанию — 2 мая 1932 г. — выяснилось, что строптивый Г. О. Биншток напечатал новую статью в журнале Потресова, и тогда началась расправа. Большинство Делегации твердо решило наказать Бинштока за непослушание и неподчинение и исключить его из партии за то, что он позволяет себе сотрудничать в журнале Потресова. Как мы видим, между 1927 г. и 1932-м лежит дистанция огромного размера. Теперь речь идет не о привлечении Потресова в „Социалистический вестник”, а об исключении из партии за совместные литературные шаги с Потресовым.

Присутствовавший на заседании Биншток категорически заявил, что он не признает за Заграничной делегацией права исключать из партии за сотрудничество в журнале Потресова, подобно тому, как мы не признаем за Сталиным права лишать нас гражданства. Правые члены Заграничной делегации, М. Кефали и Г. Аронсон, заявили решительный протест против попытки исключения членов партии за сотрудничество в журнале Потресова и внесли одновременно письменный протест против запрещения членам партии участвовать в „Записках социал-демократа”. Вот текст их заявления:

„Констатируя, что «Записки социал-демократа» не преследуют никаких организационно-политических задач, а являются лишь органом определенного направления социал-демократической мысли, сторонники которого имеются также в рядах партии, мы решительно возражаем против всякой

попытки запретить членам партии сотрудничество в „Записках социал-демократа” и полагаем, что такое запрещение наносит явный ущерб интересам идейного развития социал-демократии и затрудняет консолидацию нашей партии. По этим основаниям мы голосовали против постановления, запрещающего в связи с напечатанием статьи Г. О. Бинштока в «Записках социал-демократа», сотрудничество членов нашей партии в журнале А. Н. Потресова, Степана Ивановича и их единомышленников.”

Вокруг этого дела в Делегации возник ряд острых столкновений. Кроме правых возражал против всяких репрессий по адресу Бинштока и Б. И. Николавский. Но остальные члены большинства оставались непреклонны и вынесли постановление, гласящее, что „товарищи, отказывающиеся от выполнения общеобязательных партийных постановлений, регулирующих участие членов партии во внепартийных предприятиях, ставят себя тем самым вне рядов партии”.

На этом, однако, судьба этого вопроса не закончилась. По-видимому, в самом левом большинстве не было достаточно единодушия. У многих кошки скребли на сердце. К тому же некоторые, верно, понимали, насколько компрометарно для Делегации будет исключение столь видного партийного деятеля, как Г. О. Биншток — и за что, собственно? — за участие в органе Потресова. И вот в левой фракции возникла мысль добиться и от правых в том или ином виде формального осуждения Бинштока и в этом случае отказаться от исключения из партии Бинштока. Не без труда, но „компромисс” был достигнут. Резолюция от 2 мая об исключении Бинштока была отменена. 9 мая ему было вынесено строгое осуждение, при голосовании которого правые воздержались, внося одновременно свое „заявление по мотивам голосования”, в котором наряду с формальным осуждением содержалась и принципиальная солидарность с позицией Потресова и даже положительное отношение к участию в его журнале. Эти оба документа из хроники Заграничной делегации были тогда же опубликованы в „Социалистическом вестнике”.

В дискуссионных статьях, от времени до времени появлявшихся в „Социалистическом вестнике” и в дискуссионном сборнике „Проблемы революции” (1926), где была опубликована обширная статья П. А. Гарви, позиция правого

течения излагалась исчерпывающим образом. Эту же цель преследовали внутрипартийные правые, внося свои „тезисы” или проекты платформы, когда на заседаниях, а порой на расширенных совещаниях при Заграничной делегации обсуждались общеполитические вопросы. Такого рода документы были внесены правыми в 1930, 1933 и 1934 годах.

Весной 1930 г., когда из СССР просочились первые известия об ужасах сталинской коллективизации деревни, и общественное мнение в международных социалистических кругах было сильно взволновано, возникла мысль о созыве специальной сессии Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала для обсуждения русского вопроса. Совершенно естественно, что Заграничная Делегация постановила выработать свою декларацию по этому вопросу и представить ее заседанию Интернационала. Внутрипартийная оппозиция разработала и свои тезисы, подстегиваемая, в частности, и тем соображением, что Интернационал, находившийся под сильным влиянием левосоциалистических группировок (Бауэр, Адлер, Жиромский, отчасти Блюм), быть может, под впечатлением чудовищного нажима коммунистической диктатуры на деревню, сейчас займет более выдержанную политическую линию в русском вопросе, чем это бывало до сих пор.

Правые в своих „тезисах”, подвергнув тщательному анализу создавшееся положение в России и обозначившуюся после ликвидации НЭПа новую линию диктатуры по введению „интегрального социализма”, призывали Интернационал выступить с воззванием, в котором было бы указано на „опасности, грозящие русской революции и русскому пролетариату от продолжения режима террористической диктатуры” и был бы сделан призыв о поддержке борьбы „за демократическое преодоление диктатуры”. В обращении к крестьянам Интернационал должен заявить, что „насильственная коллективизация ничего общего с социализмом не имеет”, что Интернационал возмущен „террористическими методами большевистской аграрной политики”, что „социалистическое преобразование возможно только в рамках политической демократии” и т. д. В противоположность всему строю зараженной просоветизмом левосоциалистической мысли, правые считают нужным призвать рабочих России бороться за демократическую республику, парламент,

всеобщее избирательное право, восстановление свобод, в том числе и свободы стачек. Протестуя против „всеобъемлющей национализации хозяйства” и социального утопизма, правые полагают, что „утопические эксперименты... над хозяйством отсталой страны доказали невозможность для нее перескочить через фазу капиталистического развития” и что при перестройке экономической жизни должны быть всемерно ограждены права и интересы рабочего класса.

Заграничная делегация, однако, тотчас решила принять свои меры. 30 апреля 1930 г. она постановила не предъявлять тезисов правых в заседании Интернационала. 1 мая было решено не публиковать эти тезисы и в „Социалистическом вестнике”. На ряде заседаний Заграничной делегации в июне, когда выяснилось, что представители внутривнутрипартийной оппозиции в связи с отказом опубликовать эти тезисы все же направили свой документ в РСИ и заявили о своем выходе из числа сотрудников „Социалистического вестника”, вопрос этот продолжал обсуждаться. Внутри большинства Делегации наметились в свою очередь разногласия: между „левой пятеркой” и „центром”. Правые присоединили свои голоса к „центру”, и в результате голоса разделились поровну: 5 и 5. За равенством голосов ничего не было решено, и благодаря этому „тезисам” правых удалось проскочить в „Социалистический вестник”.

Что касается Рабочего Социалистического Интернационала, то секретарь последнего, Фридрих Адлер, вероятно, хорошо осведомленный своими левыми друзьями из Делегации, вернул Г. Аронсону, как первому из подписавших, тезисы правых, указав в любезном письме, что так как правое течение представляет собою меньшинство в партии и не порвало с ней, то было бы не в традициях Интернационала заслушивать мнение не только большинства, но и оппозиции. Вывод из этого письма можно было бы сделать и такой: нужно порвать с партией, чтобы быть выслушанным в Интернационале.

Осенью 1933 г. назрела острая потребность в пересмотре партийной платформы. Платформа, определявшая в последнее десятилетие официальную позицию партии, уже в течение нескольких лет в связи с ликвидацией НЭПа (независимо от того, что в сравнении с документами эпохи 1918-20 гг. она

представляла шаг вперед по пути реалистической ориентации партии), являлась в сознании всех направлений „преодоленным штандпунктом”, как выражаются немцы. Выработка новой партийной платформы диктовалась совокупностью новых условий всей международной жизни: приходом к власти нацизма в Германии, глубоким экономическим кризисом, захватившим и США, поражением демократического режима в ряде стран и возросшей угрозой новой мировой войны. Торжество сталинизма в России, ликвидация всех видов коммунистической оппозиции — утопической „левой” (зиновьевско-троцкистской), в которой ощущало родственную душу левое крыло в меньшевизме (руководимое Даном), и „правой” оппозиции, более реалистически настроенной, на которую ориентировался меньшевистский „центр” (Р. Абрамович, Б. Николаевский, Д. Далин), продвижение Сталина на путях жестокого террора к единодержавной, единоличной диктатуре, беспощадно проводившей железом и кровью и сверхиндустриализацию, и коллективизацию сельского хозяйства, — все это также делало необходимым новый пересмотр платформы и новую попытку формулирования меньшевистских воззрений на мир и на Россию.

Правые меньшевики не видели нужды в существенной ревизии своих позиций. Деспотический социализм или коммунистическая карриатура на социализм не вызывали у них иллюзий. Принципы демократии, даже если эта демократия переживает полосу кризиса, — являлись для правых единственной основой, на которой мыслима борьба рабочих за социализм, за мир. Никаких надежд правое течение никогда не связывало с внутренней борьбой в коммунизме и решительно отвергало, например, ориентацию на правую оппозицию (Бухарин, Рыков, Томский), крестьянофильские тенденции которой, разумеется, заслуживали бы поддержки, если бы эта оппозиция, как и левая, как и вся компартия не были прикреплены к диктатуре, как к пуповине и не были обречены действовать террористическим порядком в пароксизме борьбы за власть. Поэтому не только идея соглашения с коммунистической партией или с той или иной фракцией коммунизма, которой жил левый меньшевизм и с которой не мог разделаться меньшевистский „центр”, всегда отталкивала от себя правое крыло, но правым меньшевикам всегда

претили какие бы то ни было стратегические планы в отношении внутренней борьбы в коммунизме, то и дело возникавшие среди меньшевиков.

Тем не менее вопрос о пересмотре платформы назрел. Инициатива пришла слева. Дан от имени своих единомышленников внес проект платформы, в которой в сущности намечалось — в новых формах и новых терминах — возвращение ко временам „апрельских тезисов” 1920 г. Этот рецидив левизны сейчас сошел с несколько абстрактных высот ранней концепции Ю. О. Мартова, воспринимавшей наш мир уже вступившим в эпоху мировой социальной революции, что открывало для большевистского опыта построения социализма более благоприятную акустику, и искал для себя подкрепления в реальных достижениях диктатуры, в области в индустриализации и в коллективизации. Более того, новая платформа, по Дану, уже не довольствовалась, как в годы НЭПа, революционными иллюзиями — связями большевизма в рабочей среде, плебейским характером революции и тактической перспективой демократической самоликвидации диктатуры. В новой платформе получили вновь поддержку расчеты на русский социализм, ибо успехи госкапитализма — индустриализации и коллективизации, по мнению Дана, обеспечивают „ускоренное развитие России в социализм”, переростание советского строя в социализм, базу под который подвела сталинская генеральная линия.

Этот новый взлет социалистических иллюзий в меньшевистской среде встретил сопротивление и в „центре”, а правое течение сочло необходимым выступить с собственным проектом платформы, который в октябре 1933 г. был опубликован в „Социалистическом вестнике”. Охарактеризовав международное положение и внутреннее положение в СССР, проект платформы правых приходит к выводу, что, несмотря на происшедшие и тут и там значительные перемены и на длительный кризис, в который вступил демократический социализм в результате прихода к власти нацизма в Германии, „РСДРП не видит оснований пересматривать свои взгляды на пути ближайшего экономического развития России после снятия прессы большевистской диктатуры. Это развитие будет совершаться на капиталистических началах”. Переход от всеобщей национализации к свободным формам

частного хозяйствования неизбежен. Никакие феерические достижения сверхиндустриализации не имеют в себе ни грана социализма. Что касается коллективизации сельского хозяйства, то по мнению правых меньшевиков большевики, „извратив исторический смысл аграрной революции в России”, поставили себе утопическую и реакционную цель разорения и уничтожения крестьянства. Если в результате НЭПа можно было представлять себе дальнейшую эволюцию коммунистической диктатуры — в буржуазно-бонапартистскую, то в условиях генеральной линии, когда партия превращается в новое правящее сословие, а единоличная власть Сталина принимает характер „культы” с присущим ему „религиозно-ритуальным характером”, увеличивается угроза превращения большевистской диктатуры в фашистскую. Можно ли при такой перспективе ориентироваться на соглашение с партией диктатуры или с отдельными ее элементами? Можно ли питать надежды на способность этой диктатуры к демократической эволюции? Только путь демократии, завоеванной самим народом, „может обеспечить в России политическую и духовную свободу, как и развитие народного хозяйства с ограждением интересов трудящихся и потребителей... Трудности предстоящей борьбы за демократический исход русской революции не могут снять ее с очереди и не устраняют ее необходимости и возможности”.

Подводя итоги дискуссии по вопросу о пересмотре платформы, мы должны констатировать, что Заграничная делегация за равенством голосов (5 и 5) не могла принять никакого официального („обязательного”) партийного документа, и дело ограничилось только формулировкой позиций, да еще усилением в „Социалистическом вестнике” левосоциалистического тона, объясняемого тем, что фактически главным хозяином журнала оставался Ф. И. Дан. Этот левый тон получил сильное подкрепление, когда во Франции началась полоса так называемого Народного фронта, приведшего к власти Леона Блюма, свое правительство построившего на основе сговора социалистов с коммунистами и радикал-социалистами. Москва, которая к тому времени еще не могла рассчитывать на сговор с нацизмом и, наоборот, была заинтересована в союзниках для отпора наступающему нацизму, выбросила к этому времени соблазнительный лозунг рабочего

единства и открыла маневр „единого фронта”. В левом крыле меньшевиков эти идеи нашли благоприятную почву.

К тому же в это время в августе 1934 г. прибыла из России, из Казани, в адрес французского „Попюлера” телеграмма, подписанная тремя ссыльными — Бэром (Б. Н. Гуревичем), Ежовым (С. О. Цедербаумом) и К. И. Захаровой, видными деятелями меньшевистской партии, приветствовавшая идею единого и народного фронта. Казанская телеграмма, оглашенная на заседании Заграничной делегации в Париже 20 августа 1934 г., вызвала оживление в меньшевистской среде. Левая пятерка выработала свои предложения о едином фронте. Внесли свои предложения и Р. Абрамович, и правое течение. 23 августа состоялось совещание с приглашенными лицами, а 24 августа на заседании Заграничной делегации подвергнуты были голосованию все внесенные проекты резолюций.

Следует отметить, что в партийное совещание был внесен проект и „крайней левой” (за подписью О. Доманевской и Б. Скоморовского), но в Заграничной делегации этот проект не получил ни одного голоса. Затем был провален и проект правых, получивший за — 2 голоса и против 8 (всех остальных членов Заграничной делегации). Резолюция Дана получила 5 голосов, а Р. Абрамовича — 3. И после перебаллотировки этих двух резолюций, получили обе, как это повелось, 5 и 5 (правые голосовали в этом случае за проект Абрамовича), и за равенством голосов никакого решения не было вынесено. Все попытки соглашения не увенчались успехом. И все это происходило в обстановке, когда никто из членов Заграничной делегации абсолютно не отрицал необходимости единого фронта. Расхождение было в обосновании, в мотивировке, если хотите в оговорках, которые делали „центр” и правые, и в той далеко идущей „безоговорочной” поддержке идеи единого фронта, которая была характерна в этом вопросе для позиции Ф. И. Дана.

Проект резолюции правых о едином фронте, подписанном П. Гарви, М. Кефали, Г. Аронсоном, внутривластные правые с самого начала признают важность и проблемы единства рабочего движения, и проблемы единого фронта. Но правые изменили бы себе, если бы тут же не заявили, что „для сложения сил социалистов и коммунистов в целях сов-

местной борьбы против фашизма необходима наличность хотя бы минимальной общности в понимании и формулировке целей и методов единого фронта... Такой общности не существует, пока коммунисты на место фашистской диктатуры хотят поставить свою партийную диктатуру... в то время, как социалисты видят цель антифашистской борьбы в утверждении или революционном завоевании демократического режима, как необходимейшей предпосылки социализма". Далее в этом же проекте говорится, что единый фронт имеет под собой основу только при условии „отказа от террористической диктатуры в России, в частности, восстановления свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек и прекращения антикрестьянской политики власти". Проект правых вскрывает „кричащее противоречие" между тактикой коммунистов на Западе и в России и „внутреннюю фальшь маневра", пронизывающую единый фронт, проводимый под диктовку Москвы.

Когда в ноябре того же года состоялось заседание Исполкома Интернационала, участвовавший в нем в качестве представителя РСДРП Дан, зная, что его позиция не имеет за собой большинства Заграничной делегации⁴⁸, тем не менее счел возможным из чисто фракционных возражений подписать декларацию 7 левых партий по вопросу о едином фронте с Коминтерном. Этот шаг Дана вызвал реакцию правого течения, представители которых подали в Заграничную делегацию декларацию, из которой мы приводим несколько основных пунктов:

„При нынешнем состоянии РСИ, переживающего острый идейно-политический кризис ввиду серьезных расхождений по основным программным и тактическим вопросам социалистического движения, в частности, по вопросу о допустимости, задачах и условиях единого фронта, делегат нашей партии, особенно учитывая ее собственное внутреннее положение, должен был уклониться от активного, а тем более инициативного, участия в выработке групповой декларации, как шага, могущего способствовать превращению идейного кризиса нашего Интернационала в организационный и стать исходным пунктом для фракционных группировок внутри РСИ, угрожающих его единству... Делегат нашей партии... не мог и не должен был подписать декларацию, вызывающую

сомнение насчет того, каково отношение ее авторов к коммунистической диктатуре, где она осуществляется и где она начисто уничтожила все демократические свободы.”

Декларация, которую подписал Дан, по мнению правых, вызывает также сомнение, „не считают ли авторы ее целью революционной борьбы за свержение диктаторского режима в странах фашизма замену диктатуры фашистской диктатурой большевистского образца”.

Надо отметить, что если ранее левое крыло меньшевизма явилось довольно активным фактором распространения просоветских иллюзий в международных социалистических кругах, обнаруживших особую восприимчивость к большевистской фазе русской революции, то в тридцатые годы левые социалисты, особенно австрийцы (О. Бауэр, Ф. Адлер), стали в свою очередь подталкивать в сторону большевизма Ф. Дана и других представителей левого меньшевизма. На страницах австрийского „Кампфа” Отто Бауэр проповедывал идею „синтеза” между коммунизмом и демократическим социализмом, а Фридрих Адлер стал защищать мысль о равноправности двух видов социализма — демократического для передовых стран (Англия, Франция) и „диктаторского” — для других, при этом рекомендовал организационные меры принять не только против несозвучных его концепции правых меньшевиков и эсеров, но и против Карла Каутского, до конца непримиримого по отношению к коммунизму. В дискуссии в „Социалистическом вестнике” этому наступлению слева был дан отпор правыми, но и Ф. И. Дан вынужден был сделать оговорки к выступлениям слишком далеко зашедших австрийских социалистов, выступлениям, отрицавшим за меньшевизмом право на существование.

В задачу данной работы не входит исчерпывающий рассказ о деятельности Заграничной делегации, а лишь характеристика позиций правого течения. Исходя из этого, следует констатировать, что последнее по времени выступление представителей правого течения относилось к проекту обращения к созванному в Москве на 29 ноября съезду Советов — к депутатам его, „через голову Сталина”, в связи с принятием так называемой сталинской конституции 1936 г. Правые решительно голосовали против такого обращения, которое было принято голосами левых и „центра”. Обсуждение этого

вопроса происходило в Заграничной делегации 8 октября 1936 г., по свежему следу процесса старых большевиков в Москве, закончившегося расстрелом Зиновьева, Каменева и других. Тем не менее, даже это новое проявление террористического режима, впервые открывшего главу расстрела ленинской гвардии, нисколько не повлияло на настроение большинства Заграничной делегации и даже странным образом не ослабило той левосоциалистической идеологии и фразеологии, какой пропитано было принятое Делегацией обращение. Достаточно привести этому несколько иллюстраций.

Самый день 29 ноября 1936 г., т. е. внесение сталинской конституции, Делегация рассматривает, как „знаменательную дату в развитии российской революции и как оправдание политической линии, которую... партия написала на своем знамени... Связанная с большевизмом не только общностью происхождения..., но и единством социалистической цели, российская социал-демократия разошлась с ним в методах революционной борьбы и в принципах организации пролетариата... Поэтому российская социал-демократия не приняла участия в октябрьском перевороте 1917 года... Не на крушение советского режима, а на положительное развитие заложенных в нем революционных и социалистических возможностей... ориентируется политика нашей партии. Поэтому квалифицированные силы нашей партии представили себя в распоряжение советской власти для хозяйственной и организационной работы. Поэтому наша партия... мобилизовала своих членов на службу в рядах Красной армии. Поэтому она... боролась против... интервенции... экономической блокады... и за демократическое признание советского правительства.”

Напоминая об этой просоветской своей позиции, Заграничная делегация посвящает далее свое обращение подробной характеристике террористической диктатуры, бюрократии и полиции, останавливается на жестоких репрессиях, направленных против меньшевиков, и обосновывает свое требование демократизации советского режима, прекращения монополии коммунистической партии в стране и обеспечения самостоятельности рабочего класса и легализации социал-демократии. Как явная дань „конституционным иллюзиям”, звучат за-

ключительные строки обращения Заграничной делегации к делегатам съезд Советов. В этих строках, в ущерб бесспорной действительности, утверждается, что „от вас зависит” дать ли свободу и демократию в то время, как самый текст обращения устанавливает безраздельное господство „вождя”, т. е. Сталина, который держит в своих руках всю власть и над Советами, и над партией.

После принятия большинством голосов обращения к съезду Советов, Г. Аронсон внес по мотивам голосования свое „особое мнение”, формулирующее отношение правых к этому шагу Заграничной делегации. Вот его текст:

„Единственный политический смысл выступления Заграничной делегации в связи с принятием советской конституции на предстоящем в ноябре 1936 г. съезде Советов заключался бы в том, чтобы со своей стороны содействовать срыву той политической игры, которую в последний период с особенной брутальностью проводит Сталин. Этот новый сталинский курс, особенно после расстрела 16-ти и подготовки новых расстрелов, характеризуется больше всего исключительным усилением единоличной террористической диктатуры, ликвидирующей на легальной арене последние проявления даже коммунистической мысли и организации, этот суррогат так называемой советской общественности, и закрывающей окончательно все клапаны, откуда кое-как от времени до времени просачивалось народное недовольство. Если Заграничная делегация уже решила сделать в настоящий момент политическое выступление, она должна была в центре его поставить и разоблачить стремление Сталина использовать прокламированную конституцию (и предстоящий съезд Советов) для увековечения своего самодержавия, своей неограниченной персональной диктатуры. Но с каждым днем становится яснее, что именно сталинская диктатура является главным носителем элементов фашизации режима, непосредственным рассадником деморализации всей общественной и культурной жизни и наибольшей помехой поднятия действительной обороноспособности России в случае войны. Эта центральная политическая задача, повелительно вытекающая из переживаемой нами сейчас полосы развития большевистской революции, не только не заострена в документе, принятом большинством Заграничной делегации, но созна-

тельно оттеснена на задний план, что вместе с нарочито притупленным тоном документа и наряду с частью суммарным, частью просто неверным изложением позиций и воззрений нашей партии в прошлом и в настоящем — лишает выступление Заграничной делегации актуального политического значения. Помимо того, самая форма обращения к съезду Советов в атмосфере разгула террора может быть воспринята социалистической и демократической общественностью не как апелляция к народным массам через голову съезда Советов, а как обращение к фактическому и единственному хозяину съезда, т. е. к Сталину, что искажает политическую линию партии и может нанести ущерб ее достоинству.

По всем этим основаниям я голосовал в Заграничной делегации против обращения к съезду Советов в связи с конституцией.”

Но к этому времени, по вопросу, имевшему гораздо большее значение, — о грозящей новой мировой войне и о тактике социалистов, — наметился разнобой внутри самой фракции правых. Для того, чтобы уточнить положение, необходимо хотя бы кратко остановиться на истории вопроса. В 1935 г., от имени группы левых социалистов (О. Бауэр, Дан, Жиромский, Дюбуа) были опубликованы в международной печати тезисы о войне. По мнению авторов тезисов, новая война мыслилась, как последняя решительная схватка между фашизмом и социализмом, причем в то время, как фашизм покрывал собою в этой схеме страны капитализма, советская Россия, если не покрывала полностью мировой социализм, то подавалась как главный, если не единственный силовой и идейный центр социализма. Просоветские иллюзии ярко окрашивали собой, почти без оговорок, всю эту схему. Весь демократический социализм призывался в случае войны объединиться вокруг Советского Союза.

Спустя некоторое время Ф. Дан внес в немного смягченном виде аналогичные тезисы о войне в Заграничную делегацию. Для обсуждения вопроса было созвано партийное совещание (7 и 30 ноября 1935 г.), к которому был представлен ряд других тезисов, в частности, от крайне левой представила тезисы О. Доманевская, а от правых два отдельных проекта — П. Гарви и Г. Аронсон. Когда 10 декабря состоялось заседание Заграничной делегации, тезисы Дана получили 5 голосов при

воздержании представителей „центра” и правого Кефали. На новом заседании Заграничной делегации 14 декабря, созванном после неудачи всяких переговоров, большинством 5-ти были приняты тезисы Дана. Против голосовали 3 и 1 воздержался (к этому времени соотношение сил изменилось ввиду отъезда Д. Ю. Далина и выхода его из Делегации). В „Социалистическом вестнике” был опубликован ряд дискуссионных статей, затем дополненных заявлениями. Из заявления в Делегации от 28 декабря Р. Абрамовича, голосовавшего против тезисов, существенно привести указание, что „пятерка” (т. е. левая фракция) собирается расширительно толковать принятый документ не только как резолюцию о тактике во время войны, но как своего рода параллель к „апрельским тезисам” 1920 г., т. е. как „декларацию принципов”. Что касается правых, то в то время, как на формуле Б. Николаевского (подчинения тактики социалистических партий интересам ведения войны против фашизма) объединились Г. Аронсон и М. Кефали, — П. Гарви, заняв „пацифистскую” позицию и отталкиваясь от идеи „бургфридена”, т. е. забвения классовых интересов пролетариата, занял особую позицию. Этот разнобой, как видим, захватил и „центр”, и правую оппозицию, фактически передал „власть”, особенно в „Социалистическом вестнике”, в руки Дана и его левого течения.

Но все, что накануне Второй мировой войны происходило в СССР, властно толкало направо даже неумеренно левых, просоветски настроенных людей. С 1937 г. шел разгул ежовщины. В годы 1936–38 прошла полоса московских процессов. Террористическая вакханалия, направленная против явной и скрытой, потенциальной оппозиции в стране, заточение в тюрьмы и концентрационные лагеря миллионов людей, — вся эта чудовищная картина угнетения, увенчавшаяся возвышением Сталина, убила последние иллюзии. „Социалистический вестник” вернул себе роль активного, непримиримого борца против диктатуры. А пакт Сталина с Гитлером, развязавший мировую войну, открывшийся новым разделом Польши и походом на Финляндию, в сущности снял с очереди принципиальных и практических разногласий, раздиравших социал-демократические ряды и создал условия более благоприятные для внутренней консолидации.

В декабре 1939 г., в начале Второй мировой войны, Г. Аронсоном было разослано членам Заграничной делегации обращение с призывом к объединению всех группировок русского социализма. Вот оно в извлечении:

„Новая мировая война... создает совершенно новую обстановку и для меньшевизма. Старые течения, прежние фракции распались или должны распасться... Пора принять ряд давно уже назревших мер по консолидации русских социалистических рядов, проведение которых задержалось главным образом вследствие фракционной близорукости. Если иметь в виду, что с каждым днем становится все более вероятным втягивание СССР в большую войну, что почти неизбежно будет содействовать расшатке аппарата диктатуры, нарастанию общественно-политической активности в стране и развертыванию борьбы народа с ненавистной властью, то в этих условиях задача объединения всего, что еще осталось за границей в русском социализме, является первостепенной, первоочередной и, можно сказать, единственной задачей Заграничной делегации. Нам нужно проявить мужество не только в ревизии идей. Нужно вступить на путь широкой и смелой перестройки нашей организации.”

И дальше в этом обращении рекомендовалось вовлечь в наши партийные органы и к участию в „Социалистическом вестнике” всех внепартийных социал-демократов из группы Потресова и „поставить вопрос о политическом и организационном сближении с социалистами-революционерами как с течением русской социалистической мысли, с которыми теоретические наши расхождения давно уже, а практические сейчас почти полностью изжиты”.

Мысль об объединении русского социализма на широком фронте тогда уже пробила себе дорогу, и по инициативе Заграничной делегации в Париже в мае 1940 г. состоялось совещание с разными фракциями социалистов-революционеров (А. Ф. Керенского, В. М. Чернова и др.). Но к этому времени уже фактически прекратилось существование правой внутрипартийной оппозиции. Если попытаться найти этому объективное объяснение, то его следует искать не в некотором разном в руководящем ядре представителей правого течения — иллюстрация чему была приведена выше — но другому обстоятельству, а именно процессу поправления,

который происходил в рядах меньшевиков за границей и который уже во время Второй мировой войны привел к тому, что большинство Заграничной делегации и журнал „Социалистический вестник” стал на позиции внутривластных правых и правого течения вообще.

Сближение в основных идеологических и политических вопросах представителей „центра” (Р. Абрамовича, Д. Далина, Б. Николаевского) с правыми определилось уже в Париже, что, в сущности, и вызвало литературный откол группы Ф. Дана (когда он в Париже приступил к изданию журнала „Новый путь”) и что затем завершилось, уже в Америке, организационным отколом этой группировки от Заграничной делегации (когда Ф. Дан вместе с А. Юговым, потеряв двух бывших членов левой пятерки: Б. Гуревича и С. Шварца — создал свою собственную фракционную организацию „Новый путь”, поставив под этим же названием свой левосоциалистический журнал). В разгар Второй мировой войны, когда в мире получили широкое распространение, в связи с особой ролью в войне России, просоветские и прокоммунистические иллюзии, группировка Ф. Дана оказалась последней вспышкой левосоциалистических настроений в меньшевизме. Заграничная же делегация и „Социалистический вестник” в это время прочно усваивали те политические идеи, которые отстаивало правое течение непосредственно после октябрьского переворота, а именно: никакого примирения, никакого соглашения с режимом коммунистической диктатуры, последовательная борьба за развернутые демократические принципы, как единственную предпосылку социализма. Принципиальным выражением этой идейной эволюции и сближения между частью партийных инстанций, прежде связанной с левым крылом меньшевизма, с одной стороны, и правым течением, с другой, явились включение в годы войны П. Гарви в состав Заграничной делегации, постановлением от 19 апреля 1943 г., вхождение партийной группы Плеханова в Нью-Йорке в состав группы РСДРП и привлечение Ст. Ивановича, редактора журнала внепартийных правых „Заря” в состав сотрудников „Социалистического вестника”.

Решение Заграничной делегации о включении членов нью-йоркской социал-демократической группы имени Плеханова в состав нью-йоркской группы членов РСДРП и сочув-

ствующим было принято единогласно 10 марта 1941 г. при участии в заседании Ф. Дана и А. Югова. Текст постановления гласит:

„Не считать препятствием к переходу в группу членов РСДРП и сочувствующих факт пребывания в составе группы им. Плеханова в предшествовавшие годы; члены плехановской группы могут переходить в состав групп и клубов РСДРП на основании местных уставов, при условии либо персонального их выхода из плехановской группы, либо ликвидации последней.”

30 ноября 1941 г. Заграничная делегация постановила включить в число сотрудников „Социалистического вестника” Ст. Ивановича и др. Решение о включении Ст. Ивановича принято было при двух против (Ф. Дан и А. Югов) и одном воздержавшемся (С. Шварц). В связи с выступлением журнала Дана „Новый путь” против приглашения Ст. Ивановича в „Социалистический вестник”, Заграничная делегация вновь обсудила этот вопрос и приняла следующее мотивированное постановление 20 января 1942 г.:

„Не входя в разбор по существу политической позиции т. Португейса (Ст. Ивановича) в годы гражданской войны, Заграничная делегация считает необходимым констатировать, что т. Португейс... никогда и никем не был исключен из рядов РСДРП. Что же касается его деятельности как члена определенного политического течения, то Заграничная делегация считает нужным напомнить, что неоспоримым политическим вождем этого течения всегда был А. Н. Потресов, который больше других нес ответственность за всю ту политическую линию, которую тт. Дан и Югов теперь ставят в вину т. Португейсу.

Между тем, сам т. Дан в 1925 г. считал возможным и желательным возвращение в ряды партийной организации т. Потресова и вел с ним об этом переговоры, не скрывая от себя и других, что возвращение т. Потресова неминуемо повлечет за собой включение его в состав сотрудников и редакции „Социалистического вестника”.

Тем самым отпадают и те политические аргументы против принятия т. Португейса в состав сотрудников „Социалистического вестника”, которые теперь выдвигаются тт. Даном и Юговым.”

Если в дальнейшем ходе событий происходили политические конфликты и имели место глубокие расхождения в Заграничной делегации, которые привели к ее ликвидации (в 1951 г.), то это произошло не по линии правые и левые, или правые и „центр”, а в силу других моментов, лежащих за пределами настоящей работы.

6. Послесловие

Мы пишем историю — и восстанавливаем картину деятельности и судьбы социалистических и демократических движений в России на трагическом фоне коммунистической революции, прошедшей через фазы военного коммунизма, НЭПа, индустриализации и коллективизации деревни и выросшей в военную угрозу всему миру после Второй мировой войны. За протекшие сорок с лишним страшных лет поколения меньшевиков, интеллигентов и рабочих, были в России истреблены машиной террора, погибли в революционной мясорубке, и на наших глазах сходит с исторической сцены последний отряд меньшевистской старой гвардии, нашедшей себе убежище в эмиграции.

Нельзя не сознаться, что в своих исторических прогнозах меньшевизм, наряду с другими течениями русской общественной мысли, имевшими такую же драматическую судьбу, потерпел жестокое поражение. Кто мог представить себе, что большевики, эти захватчики власти путем заговора и насилия в октябре 1917 г., удержат власть в России в течение долгих десятилетий; и не только удержат власть, но на костях миллионов, нарушая элементарные основы права и нравственности, создадут огромное индустриальное государство с могучим военным потенциалом? Кто мог предвидеть потерю самостоятельности ряда государств — Польши, Чехословакии, Венгрии и других — и создание советской империи, опирающейся на союз дружеских ей движений в Азии и Африке? Нет сомнений, что отцы большевистской революции, Ленин и Троцкий, в самой буйной своей фантазии не смогли представить себе ни размаха, ни последствий этой революции.

Что уж говорить о противниках большевизма, в частности, о меньшевиках, сопротивление которых в аспекте практической политики потерпело поражение и не могло не потерпеть его в борьбе с могущественным аппаратом насилия диктатуры. И хотя последние, окончательные итоги русской исторической драмы еще не подведены, можно уже сейчас констатировать, что идеологические концепции меньшевизма до сих пор также терпели поражения.

Меньшевизм рассчитывал на то, что европейские начала в русской действительности сильнее азиатских, что государственная власть не содержит столь решительной победы над общественностью, что средствами насилия нельзя в России уничтожить крестьянство с его собственническими инстинктами, что рабочее движение России, выдвинувшееся на авансцену как решающая сила демократической революции, не будет до такой степени разложено и разбито и что ростки общественного мнения в стране окажутся так слабо укорененными в народной толще. Оптимистическая историческая концепция меньшевизма, роднящая его в этой области со всеми другими радикальными и либеральными движениями в России, бита.

Перед лицом этих проблем, приобретших мировое значение, весьма относительная роль принадлежит нашей попытке на основе доступных нам исторических материалов осветить внутреннюю борьбу течений в меньшевизме, борьбу, начавшуюся в первые годы большевистской революции в России и продолжавшуюся, то обостряясь, то затухая, в эмиграции. Еще скромнее задача, поставленная мной, сделать небольшую экскурсию в историю правой фракции в меньшевизме. Тем более, что теперь уже ясно, что ни одна из стратегических линий не удалась: ни линия левых, рассчитанная на „синтез” коммунизма с демократическим социализмом, ни линия правых, веривших в восстание народных масс против диктатуры, ставивших на преодоление большевизма силами самой демократической революции.

И все-таки нельзя отрицать, что для нас, уцелевших участников бурной эпохи, эти темы сохраняют непосредственный, порой жгучий интерес. Этим объясняется отчасти та страстность, та темпераментность, которая окрашивает излагаемые мною эпизоды из истории правой фракции. Я был

только спицей в колеснице крупных исторических событий, но во мне живо сознание принадлежности к поколению, которое строило социал-демократию в России, участвовало в рабочем движении и связывало с демократической революцией все свои мечты и все свои надежды, разбитые беспощадно большевистской диктатурой. Наша деятельность давно уже закончилась. Мы все, с точки зрения влияния на ход дел в России, ведем призрачное существование теней. И не случайно занятие историей, погружение в историю, является для нас самым интересным, самым соблазнительным занятием.

Составление истории правого течения потребовало прежде всего собирания материалов. Не без труда, но можно было все же осветить период формирования правого течения от октябрьского переворота до разгона Учредительного собрания, как и деятельность правых меньшевиков в течение 1918 г. до начала гражданской войны. Это было время, когда диктатура большевиков совершала свои первые шаги, процесс стабилизации власти развивался медленно и, самое главное, социал-демократия сохраняла еще довольно обширные и еще живые связи с рабочей средой; и возможности контакта и влияния, в частности, у правых меньшевиков еще существовали. Правые меньшевики через рабочие организации, еще не захваченные большевиками, через рабочие собрания, разгонять которые большевики не всегда решались, через печать, которая еще не была окончательно задушена, — заявляли о себе и вели весьма активную деятельность, о которой имеются свидетельства.

Довольно подробно, а для иных, может быть, слишком подробно, я мог осветить положение правых и их борьбу в нашей заграничной организации в двадцатые и тридцатые годы. Это было время, когда в России меньшевики сидели в глубоком подполье или отбывали бессрочную тюрьму и ссылку, когда никакой политической деятельности в России фактически уже почти не было, и мы в эмиграции говорили за тех, кто был обречен на молчание, и от их имени. Может быть, искусственно, но в эмиграции шла ожесточенная перманентная дискуссия, которая морально поддерживала наше существование и порой получала отражение в международных социалистических кругах и в кругах русских, даже за пределами меньшевизма. На основании имеющихся материа-

лов я не только мог очертить борьбу правых за свои политические позиции, но, что мне казалось важнее, восстановить ту духовную атмосферу, в которой происходила эта борьба, атмосферу, характерную для эмигрантского кружка с его преданностью идее, но вместе с тем сектантски и фанатически настроенного. Заранее допускаю, что в характеристику этой меньшевистской атмосферы за границей я внес субъективизм как человек, бывший сам участником этой борьбы.

Более трудной оказалась задача разработать и осветить деятельность правых меньшевиков в России в годы гражданской войны. Это были годы, когда Восток, Север и Юг были оторваны от Москвы. Огромные территории стали очагами гражданской войны. На Волге и в Сибири короткий срок действовала Народная армия Учредительного собрания. В 1918 г., с февраля по ноябрь, после Брест-Литовского мира, Украину и Белоруссию оккупировали немцы. А затем в течение около двух лет на этих территориях господствовали Белые армии или просто различные банды. В это смутное время социал-демократические меньшевистские организации существовали почти повсюду. Связанные с местным рабочим движением и его организациями, меньшевики проявляли во многих случаях активную деятельность.

Несомненно, что правые меньшевики в разных местностях под Белыми накладывали свою печать на деятельность меньшевистских организаций. Не исключено, что в отдельных случаях они принимали на себя большую долю ответственности за политику Белого движения. В своей работе я отметил, что ряд правых меньшевиков, сторонников военной борьбы с большевизмом и, может быть, сторонников иностранной интервенции, входили в Союз возрождения, более того, что некоторые из них убедились в ошибочности этой политики, ибо на горьком опыте увидели, что демократические элементы в антибольшевистском лагере оказались в явном меньшинстве и что верх взяли в Белом движении реакционные, даже реставрационные группы.

Материалов о том, какова была деятельность правых меньшевиков в гражданскую войну, у нас нет, как нет и многочисленных органов социал-демократической печати, выходивших на территориях гражданской войны, — а судить об этой деятельности и об этой печати по злостным и, воз-

можно, фальсифицированным сообщениям большевиков — немыслимо. Конечно, конструировать схему той работы, которую проводили меньшевики, борясь за каждую пядь легальности при оккупационных режимах или при Белых, — возможно.

Я провел около полугода под немецкой оккупацией в Минске в 1918 г. и помню, что когда была восстановлена демократическая городская Дума, незадолго до того разогнанная большевиками, мне лично пришлось в ней занимать пост члена управы по заведыванию отделом труда, который я совмещал с выборной должностью председателя Минского совета профессиональных союзов. Наша задача под немецкой оккупацией была — защищать интересы рабочих, с одной стороны, и позиции демократических учреждений — с другой.

В литературе имеется отчет о процессе киевских меньшевиков — Кучина, Романова, Балабанова и др., поставленном большевиками 21-22 марта 1920 г. Из этого отчета мы знаем, что, находясь на территории Белого движения, меньшевики вели неустанную борьбу против всякого ущемления завоеваний февральской революции. Мы знаем также, что в августе 1920 г. состоялось совещание представителей профсоюзов юга России — Украины, Дона и Крыма. Если кто положится на большевистскую информацию и будет полагать, что никакой достойной легальной деятельности и борьбы меньшевики на территориях гражданской войны вести не могли, — тот сделает большую ошибку. Но это, конечно, не значит, что не было меньшевиков, которые не заходили бы слишком далеко в своем стремлении принять активное участие в событиях. Но и об этих случаях было бы неправильно судить только по злостной информации большевиков.

В заключение я хочу обратиться с разъяснением, которое, может быть, окажется полезным. Ознакомившись с моей интерпретацией внутренней борьбы в меньшевизме между левым и правым крылом, иной читатель, пожалуй, поставит в упор такой вопрос: если верна характеристика левого течения в меньшевизме, какую вы даете, то почему вы все же оставались в нем, не порвали с руководящей в официальных инстанциях фракцией, терпели и толерировали то участие на стороне большевиков в гражданскую войну, то поиски тактического компромисса с большевиками, то ряд

идеологических заявлений, в которых звучит отказ от демократии на переходный период от капитализма к социализму, который строится в России? Вот ответ. В первый период острой политической борьбы, когда еще казалась реальной перспектива свержения большевиков внутренними силами, многие правые меньшевики не оставались и уходили, а другие тоже колебались и время от времени ставили перед собой проблему ухода.

Я имел возможность в своей первой дискуссионной статье в „Социалистическом вестнике” в 1922 г. коснуться этого вопроса. Подводя итоги нашим спорам в период гражданской войны, я пришел к заключению, что меньшевизм сохранился и сыграл известную роль в борьбе с большевизмом только „вопреки официальной идеологии партии, наперекор ее лозунгам и паролям”. Действительно, рабочие, интеллигенция в России мало знали о новой тактике, новых настроениях, которые представлял собою меньшевизм, его Центральный комитет и его печать. Я писал:

„В годы жестокого террора... РСДРП оказалась единственной легальной социалистической оппозицией, и это ее положение уже обеспечивало популярность, успех, влияние социал-демократии... Вопреки своей идеологии, вопреки той аргументации, которой обосновывались тактические лозунги, народные массы всегда чувствовали в ней верного стража идей свободы, демократии и социализма... Логика террористического режима превращала оппозицию партии в революционную борьбу”.

И большевистская власть это знала и никогда, и ни на миг не переставала беспощадно преследовать меньшевиков, не разбирая ни левых, ни правых, и отдавала себе отчет в том, что меньшевизм во всех своих течениях и оттенках объективно является непримиримым врагом. И правые меньшевики знали, что даже в самые острые припадки левизны меньшевизм остается противником диктатуры, и верили, и надеялись, что момент освобождения от пробольшевистских иллюзий в меньшевизме близок.

Еще один — и последний — вопрос сводится к следующему. Да есть ли основание у правых меньшевиков для торжества? Быть может, правильнее было бы для них не только констатировать наличие тактических ошибок в тот или дру-

гой момент, но произвести ревизию своей деятельности и своей идеологии? Быть может, если что нуждается в пересмотре, то именно концепция правых меньшевиков в отношении большевистской революции? Если бы я так думал, то я приступил бы к пересмотру и произвел бы его по мере своих скромных сил. Во всяком случае, я не вижу никаких оснований для торжества, и никому из нас, потерпевших столь страшное поражение, не до торжества.

Но в тесных и ограниченных рамках вопроса, кто из нас оказался прав: левые или правые меньшевики, я склонен думать, что по основному вопросу о характере русской революции оправдалась позиция правых меньшевиков. Если в тридцатые годы Ф. Адлер допускал, что в России, хотя бы и чудовищным насилием, может быть осуществлен социалистический строй, то сейчас вряд ли среди демократических социалистов имеются люди, готовые принять социализм в коммунистическом обличье или считать государство-монстр, созданное Лениным, Сталиным и Хрущевым — социалистическим. А из этого основного вопроса — о русском социализме — вытекали все наши временные тактические и политические разногласия, по вопросу о возможности соглашения с властью, в первую очередь, о диктатуре и демократии и пр. и пр. И я склонен думать, что в нашем долголетнем споре жизнь показала, что правые занимали более правильные позиции.

Я думаю, что тут нет никакой апологетики правого течения в меньшевизме, хотя прекрасно понимаю, что представители других течений, и особенно несущих ответственность за левый курс меньшевизма, никогда не признают, что они ошибались и что другие оказались правы. Всегда неприятно, когда кто-нибудь другой прав. Я думаю, что с исторической точки зрения вопрос о том, кто в первые годы борьбы занимал позиции, отвечающие характеру меньшевистской идеологии, и кто меньшевистскую традицию — в угоду, разумеется, самым благородным побуждениям, оборвал, имеет немалое значение и заслуживает обсуждения в рамках истории меньшевизма.

Август 1960 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по кн. С. П. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Париж, 1953, с. 39 и след.
2. См. сб. Октябрьский переворот. Факты и документы. Составил А. Л. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград 1918, сс. 173-177).
3. Рабочая газета, 27 октября 1917 г.
4. К. Рябинский. Революция 1917 г. (Хроника событий). Том 5. Октябрь. ГИЗ, Москва-Ленинград, 1926, с. 282.
5. Там же, с. 284.
6. Приведено в сб. Октябрьский переворот.
7. Там же, с. 336.
8. Рабочая газета, 1 ноября 1917 г.
9. Geschichte der russischen Socialdemokratie. Mit einem Nachtrag von Th. Dan. Die Socialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908. Berlin, 1926, S. 305-306.
10. Там же, с. 304.
11. Мельгунов, указ. соч., с. 373.
12. Дан, указ. соч., с. 312.
13. Об этом собраны материалы в кн. С. П. Мельгунов, указ. соч.
14. Октябрьский переворот, с. 345.
15. Рабочая газета, 5 ноября 1917 г.
16. См. И. Н. Любимов. Революция 1917 г. Хроника событий. Том 6. Октябрь-декабрь. Москва, 1930.
17. Октябрьский переворот, с. 343.
18. Новый луч, 3 декабря 1917 г.
19. Цит. по сб. А. Н. Потресов. Париж, 1937, сс. 79-80.
20. См. Новый луч, № 1; Новая жизнь, №№ 191, 193, 194.
21. Грядущий день, 10 декабря 1917 г.
22. Новая жизнь, № 184-185. Цит. по кн. Любимов, указ. соч., с. 162.
23. Вечер, 24 мая 1918 г.
24. Вечер, 30 июня 1918 г.; Г. Аронсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой. — в сб. Против течения. Нью-Йорк, 1952, сс. 66-78.
25. Новый день, 4 февраля 1918 г.
26. Социалистический вестник, № 9-10, 1944.

27. Письмо приведено в статье Ст. Ивановича в сб. А. Н. Потресов, сс. 183-184.

28. Резолюция была напечатана в органе Петроградского комитета партии „Рабочий Интернационал”.

29. См. сб. А. Н. Потресов, сс. 160-161.

30. Б. Двинов книге „От легальности к подполью”, касаясь периода 1921-22 гг., между прочим, пишет: „Колокольников, Верховский и Грановский не были членами партии, стоя вправо от партийной позиции. Колокольников даже при аресте заявил: «Я не член партии».”. Это неверно. В частности, Колокольников никогда не выходил из партии. Он только не регистрировался и не входил в организацию. Это большая разница.

31. См. резолюции партийных совещаний от 31 марта по 10 апреля 1920 г. — в сб. Социал-демократия и революция, Одесса, 1920.

32. См. сб. Мартов и его близкие, сс. 103-104.

33. Р. Абрамович. В двух революциях, т. 2, сс. 365-367.

34. П. Н. Милюков. Россия на переломе. Большевистский период русской революции, т. 2. Париж, 1927, сс. 258-259.

35. Г. Аронсон. На заре красного террора. Берлин, 1929, сс. 75, 81-82.

36. См. Н. В. Крыленко. Обвинительные речи, Москва, 1937, сс. 84-104.

37. См. Г. В. Плеханов. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917-1918 г., т. 2. Изд. Я. Поволоцкого и Ко, Париж, 1921, сс. 35-36.

38. Там же, сс. 245-246.

39. Наше единство, 11 и 13 января 1918 г., — Г. В. Плеханов, указ. соч., с. 257 и след.

40. Следует отметить, что в это время было в Нью-Йорке предпринято совместное издание социал-демократами и эсерами „Народной газеты” (март 1918 — август 1919), выходившей под редакцией правых меньшевиков С. Ингермана, Я. Джемса, Д. Шуба и Сахарова; из эсеров участвовали в ней А. Аргунов, Е. Брешковская, В. Зензинов, К. Оберучев и др.

41. Речь идет о выпущенной в России осенью 1918 г. брошюре Ю. О. Мартова „Долой смертную казнь”.

42. П. Б. Аксельрод. Кто изменил социализму? (Большевизм и социал-демократия в России). Нью-Йорке, 1919, с. 23.

43. Там же, сс. 28-29.

44. Там же, с. 30.

45. См. сб. Революция и социал-демократия, Одесса, 1920.

46. Социалистический вестник, ноябрь, 1922.

47. Там же, № 13, 1929.

48. Вопрос о представительстве в Интернационале меньшевиков имел свою длительную, насыщенную конфликтами историю, которой касаться здесь не приходится.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	3
Б. Николаевский РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918	4
Б. Николаевский Меньшевизм в период военного коммунизма (1918-1921 гг.)	49
С. Волин Меньшевизм в первые годы НЭПа	103
Г. Аронсон К истории правого течения среди меньшевиков	175